

Замуж за 25 дней

Автор:

[Алина Кускова](#)

Замуж за 25 дней

Алина Кускова

Замуж!!! Соне Романцевой срочно нужно замуж! И вовсе не потому, что ей скоро тридцать лет и она до сих пор одна. А исключительно по работе – срывается заграничная командировка. Без штампа в паспорте одинокой девушке не светит поездка в Германию. Приглашается только замужняя дама – таковы условия контракта. А потому муж нужен... совершенно фиктивный. На поиск жениха у Сони всего двадцать пять дней. Время пошло. Неженатых мужчин в провинциальном городке оказалось не так уж и мало. Но чем же приманить их – если добычу не привлекает ни модельная Сонечкина внешность, ни обещания развестись сразу после окончания командировки...

Алина Кускова

Замуж за 25 дней

Вместо предисловия

Спокойный, тихий вечер в одном из дворов провинциального городка Тугуева грозил превратиться в разнузданное действо с дракой, «Скорой помощью» и полицией. Все началось с того, что после ожесточенной дискуссии с женой по поводу вопроса, чья очередь выносить мусорное ведро, Артемий Федорович Чесноков наткнулся у подъездной двери на соседа Скворцова. Тот буквально вцепился в рукав Чеснокова и пылким шепотом сообщил ему на ухо о маньяках в

юбках, орудовавших в их дворе.

- Ловят, - волнуяще шептал сосед, - прижимают к стенке и о...

Чесноков инстинктивно заслонил свое хозяйство мусорным ведром.

- И что «о»? - поинтересовался он таким же еле слышным голосом.

- Требуют жениться! - почти прорыдал в ухо Артемию Федоровичу Скворцов.

- О?! - Сообщение подействовало на Чеснокова как гром и молния. Недавняя ссора с женой, после которой он в одних тапочках на босу ногу и стареньких шортах оказался на темной улице, оставила в его душе гнусный отпечаток, который кидал тень практически на весь женский род.

Пока Чесноков несколько секунд соображал, стоит ли ему идти к мусорным контейнерам или опрокинуть ведро прямо в кусты сирени, растущие у подъезда, и ни с кем не связываться, Скворцов проскользнул в подъезд и пулей вознесся на третий этаж. Двор вновь окутала зловещая тишина, нарушаемая какими-то всхлипами. Чесноков всмотрелся в сумерки. Прямо из них на него шла растрепанная девица неопределенного возраста с расставленными в стороны руками. Она судорожно открывала густо обведенный красной помадой рот, но голоса не было слышно. Только всхлипы. Чесноков прижал к себе ведро и приготовился к бегству. Но, видно, девица обладала таким парализующим жертву взглядом, что ноги его сделались ватными, а колени предательски задрожали.

- Женат?! - поинтересовался наконец-то приближающийся красный рот.

- ...гу, - с трудом выскочило из Чеснокова.

- Отпадаешь, - изрекла девица, ткнув его длинным пальцем, и повернулась в другую сторону.

Словно повинувшись ей, Чесноков, пятясь назад в спасительный подъезд, зацепился за порог и свалился, опрокинув на себя картофельные очистки и недоеденные кабачки. Потирая ушибленный затылок и ругая на чем свет стоит

баб-маньячек, Артемий Федорович вернулся домой.

Девушка тем временем зашла в глубь двора и присела на скамейку у детской площадки.

– Ничего, сейчас отловим. Возьмем тепленьким! Без шума и пыли.

Ей в ответ раздался похожий на рев раненого крокодила стон, от которого задрожали рамы в окнах на третьем этаже.

– Во! Слышишь! – Чесноков как раз пытался объяснить супруге, почему пришел домой с полупустым ведром, шишкой на затылке и оторванным от шорт карманом. – Бабы-маньяки!

– Артемий! – Чеснокова засучила рукава с таким видом, что тот вытянулся в струнку. – Вызывай полицию! – И, схватив подвернувшуюся под руки табуретку, добавила: – И «Скорую помощь»!

– Тусечка, – прохрипел из-за подступившего к горлу комка супруг, – прошу тебя, без смертоубийств...

Жена Чеснокова выскочила во двор, как ошпаренная кошка. К беспощадной расправе подстегивало то, что какие-то бабы хотят ее Чеснокова без ее на то согласия и благословения. Они с табуреткой пару раз прогулялись вдоль подъездов. Маньячек не было видно. Только слышно. Со стороны детской площадки доносились бередящие душу завывания. Чеснокова тихо подкралась к лавке и занесла карающую табуретку вверх, как вдруг лицо одной из маньячек показалось разъяренной женщине очень даже знакомым.

– Сонька! Ты?

– Я, тетя Туся, – прорыдало существо, очень похожее на девушку из соседнего подъезда.

– Что ты тут делаешь? – Рука Чесноковой вместе с табуреткой опустилась вниз.

– Плачу, – ответила та, моргнув ресницами, чтобы сбить навернувшуюся слезу.

– Что вы к ней пристаёте с расспросами? – вмешалась сидевшая рядом с Сонькой худощавая девица с растрепанными волосами. – Не видите, что ли, – у человека горе?

– Какое? – Пыл борьбы у Чесноковой спал, и она попыталась спрятать табуретку за спину.

– Замуж никто не берет! – ответила девица таким тоном, словно кто-то, и вполне вероятно сам Артемий Федорович, просто был обязан жениться на Соньке.

– Нашла о чем рыдать, – удивилась Чеснокова и опустилась на табуретку. – Кому они нужны, эти мужья?

– Мне, – всхлипнула Сонька, – очень нужны, тетя Туся. Срочно.

День первый

Ему можно было навешать не только возможную беременность, но и парочку готовых близнецов

Софье Алексеевне Романцевой, деловой даме более чем двадцати шести лет от роду, не всегда требовались мужья. Они вообще не интересовали ее на данном этапе жизненного пути, во время которого карьера семимильными шагами взбиралась в гору. Но как раз в самый важный момент, когда все было сделано для того, чтобы стать замом по менеджменту, и возникло это недоразумение – шеф потребовал от Софьи мужа.

Оказалось бы вполне логичным, если бы того потребовала его жена или секретарша. Но те не относились к Романцевой как к своей конкурентке и спокойно отправляли ее с шефом не только на областные совещания, но и в заграничные командировки. Там-то, за границей, все и закрутилось.

Гладко причесанная Сонькина голова, битком набитая смелыми мыслями и проектами, пришлась по душе немцам, желающим поднять свое производство на

более высокий уровень. Они-то и предложили шефу «одолжить» столь ценного специалиста на пару лет для обмена опытом. Но, так как в последнем случае подобный эксперимент закончился для них печально – совладелец этой немецкой фирмы благополучно поменял жену на умненькую особу из России, поставили условие: Софья Романцева обязательно должна быть замужем. Должна, без разговоров. Времени для того, чтобы стать замужней дамой, ей отводилось около трех недель. Плюс-минус четыре дня. Вот таким образом возник в жизни потенциального зама гамлетовский вопрос: «Быть или не быть» ей в одной довольно не мелкой немецкой фирме по производству напитков помощником руководителя по рекламе и менеджменту?

Очень хотелось «быть». Поэтому Соня, как только вернулась в Тугуев, стала искать кандидатов на почетное место супруга. Искать нужно было долго и тщательно, потому как постоянного кавалера у нее не наблюдалось, а мимолетные интрижки она никогда не доводила до той степени, чтобы припереть интригана к стенке и с придыханием сообщить ему о возможной беременности. Почему так получалось, Соня не знала. Нет, с ориентацией все было в порядке. Мужчины Соне нравились: Ален Делон в молодости, Пьер Ришар в юности и Коля Басков в настоящее время. Более современных веяний она просто не понимала и всегда удивлялась ажиотажу, возникающему у входа в концертный зал города Тугуева, когда туда приезжала какая-нибудь московская знаменитость.

Словом, Соня оказалась полностью испорчена воспитанием и высшим образованием. К тому же любимым местом ее времяпрепровождения была (страшно сказать!) библиотека. Там Соня изучала атлас мира, ведь, как любая провинциалка, она стремилась вырваться из узкого круга тугуевской повседневности. Теперь такой шанс ей предоставлялся, нужно было лишь найти себе мужа.

В любых поисках Соне всегда помогала подруга Лариса. Что связывало этих двух совершенно непохожих девушек, с первого взгляда было непонятно. Но уже со второго многие догадывались, что в гладко прилизанной белокурой голове одной и рыжей растрепанной – другой прятались одни и те же мысли и чаяния, одетые, как и сами подруги, в абсолютно разные оболочки. Иногда оболочки прорывало, и тогда мысли неслись бурным потоком.

– Завтра же начни разрабатывать ближайшее окружение, – наставляла Лариса подругу. – Присмотрись к коллегам. Среди них наверняка найдется твой тайный

воздыхатель. Может, он сидит и глядит в одну точку, мечтая о том, как ты подойдешь к нему и возьмешь за руку, а он поднимет свои голубые глаза и позовет тебя в загс...

В одну точку на стене, сидя за рабочим столом, всегда смотрел бухгалтер Сева Караванов. Что он видел в этой самой точке – было непонятно. Смутно Соня догадывалась, что явно не ее, но проверить следовало. Мало ли, вдруг действительно – она возьмет, а он позовет. Тем более что профиль «милого» бухгалтера ей нравился. Да и голос у него был тихий и спокойный, Сева никогда не говорил на повышенных тонах. И, главное, был разведен. Причины его разрыва с женой она не знала. Болтали о том, что обманутый супруг застал кого-то и где-то, но Соня никогда не интересовалась сплетнями, как и жизнью своих сослуживцев. Теперь же она решила показать Севе такой интерес, на который только была способна.

Сева Караванов разглядывал цветочки на обоях, натужно вспоминая, покормил ли он своего кота Леопольда. Если нет, то эта наглая морда заберется на кухонный стол и сожрет без зазрения совести оставленные после завтрака макароны по-флотски, оставив его без ужина. А потом, в отместку, еще и нагадит в тапку. Как раз в тот момент, когда он в красках представлял, как будет загаженной обувью гонять кота, прячущегося от него по углам, перед ним возникла Соня. Севины руки забегали по разбросанным на столе бумажкам.

– Вы по поводу накладных, Софья Алексеевна?

– Ну, что ты, Сева, сразу про накладные, – Соня попыталась ласково улыбнуться, но оскал получился таким плотоядным, что Караванов внутренне содрогнулся. – К тебе разве нельзя просто так подойти?

– Можно, – промямлил Сева, с испугом глядя в Сонины глаза, которые медленно превращались в зеленые щелки его наглого кота.

– Тебе сколько лет? – Соня прищурилась, прикидывая возраст возможного соискателя ее руки и сердца.

– Тридцать три будет в среду. – Караванов решил, что Романцева пришла по профсоюзной части, и немного успокоился. В прошлый раз профком заполнял какие-то анкеты и тоже интересовался его возрастом. Может, ему готовят

подарок? Караванов любил сюрпризы.

- Где же ты собираешься отмечать такую необыкновенную дату? - Соня неожиданно для самой себя взяла Караванова за руку.

- Дома, - тот резко покраснел.

- С кем? - томным голосом пропела Соня.

- С Леопольдом, - тихо произнес Сева и медленно освободил свою руку.

Вот так сюрприз! Романцева напрашивается к нему домой. Со скоростью калькулятора, а компьютером бухгалтер Сева Караванов не пользовался принципиально, он подсчитал дебит с кредитом во флирте с начальником отдела реализации и пришел к выводу, что рисковать не стоит. Если бы Романцева оставалась на прежней должности, то еще ладно, можно и флиртануть. Но, по слухам, ей уже предложили повышение. А иметь с замом какие-либо контакты, помимо деловых, Караванов не хотел. Слишком уж велик риск, что последующее расставание не обойдется без жертв. А кто будет жертвой в этом случае, он уж знал точно.

Соня поняла заторможенность его мышления по-своему. Сева Караванов после измены жены сменил ориентацию и теперь встречается с каким-то Леопольдом, стыдливо в этом признаваясь.

- Ну, ничего, ничего, - она похлопала освободившейся рукой по его плечу, - бывает. Я-то знаю, сама когда-то...

Когда Романцева отошла, Сева, уставившись в цветочки на обоях, задумался, что же она имела в виду. И зачем ей понадобилось отмечать свои дни рождения с котами. Ведь она очень даже ничего. Жаль, что идет на повышение.

А Соня вспомнила свой девятый класс, когда ее обманул прыщавый юнец из параллельного. Он целовался с ее одноклассницей прямо в школьном дворе. Не видел этого только слепой. Вот тогда-то Сонька и решила бросить парней и заняться лесбисом. Она готовилась к этому основательно, прочитав массу статей в популярных журналах. Но найти подходящую пару для себя не смогла. Так что

смена ориентации не состоялась по той же причине, что и замужество, – не было желающих. Соня взяла небольшой блокнотик в красной обложке, раскрыла его и на первом листе вывела черную надпись: «Отпадают». Под номером один отпадал Сева Караванов, припечатанный словом «голубой».

Она задумалась, перебирая в памяти оставшихся неженатых сослуживцев. Картина получалась удручающая. Главбух Архип Семенович, вдовец шестидесяти лет, отпадал сразу же за Севой без объяснения причины. Весельчака и балагура Эдуарда из отдела снабжения недавно переехала машина, бедняга лежал в больнице, и было неизвестно, выкарабкается он до конца месяца или нет. В любом случае, тратить на него время Соне казалось нецелесообразным, и она вписала его фамилию в блокнот. Оставался технолог Гоша Усачев, за которым тянулся целый шлейф романтических приключений. Если не он, подвела итог Соня, придется спускаться в цех розлива прохладительных напитков. Там, помимо автоматических линий, можно было найти пару-тройку нетрезвых мужичков. Но опускаться до такой степени Романцевой не хотелось.

Гоша Усачев глядел на подошедшую Соню огромными голубыми глазами и звать никуда не собирался. Он-то был уверен, что эта сушеная вобла никуда с ним не пойдет. Усачев вообще не любил карьеристок и, как большинство мужчин, считал, что место женщины – на кухне. В том, что Романцева умела жарить яичницу, Гоша очень сомневался, а поесть он любил. Каждая женщина своим внешним видом напоминала ему или вчерашний пирожок, или пышущую жаром кулебяку. Были среди них и суповые наборы, и колбаски с кровью. При виде некоторых у Гоши просто текли слюни, особенно если аппетитные избранницы приносили с собой еще и снесь. Этой слабостью пользовались его многочисленные, но, надо заметить, идущие строго по очередности дамы сердца. Сейчас оно как раз было свободным, и Гоша решал, кого ему взять в оборот. Ставка делалась на лаборантку Зою, высокую пышногрудую дивчину, напоминающую ему расстегай. По мнению технолога, она должна была отменно готовить. Только Гоша захотел начать безобидную беседу с предметом вождения, как словно из-под земли возникла Романцева.

– Пойдем поужинаем вместе, – сказала Соня. – Нужно обсудить договор с поставщиками, – добавила она громче, заметив удивленный взгляд лаборантки.

– Заметано. Через час жди меня в «Ладушках». – Усачев мотнул головой.

Гоша не понял, почему он сразу согласился. Видимо, сказалась привычка. Или сработал рефлекс на предложение поесть. После того как за Романцевой закрылась дверь, Зоя фыркнула и уткнулась в тетрадку, куда она заносила результаты опытов. Ладно, подумал Усачев, эта никуда не денется. А та-то, надо же! Сама пригласила. Весь оставшийся час Гоша раздумывал, что именно потребовалось начальнику отдела реализации от технолога, и искал подвох. Ну ясно же, что не обмен мнениями по поводу поставщиков. Что тогда? Он даже несколько раз украдкой подходил к зеркалу, которым пользовалась Зоя для того, чтобы освежить макияж. Мужественное лицо, гордая осанка, сильные руки. Себе он явно нравился. Общее впечатление портили голубые глаза, по-девичьи наивные и добрые. Но они подкупали самых черствых дам и манили обещаниями необыкновенной любви. Получалось, что Романцева попала именно на бездонную голубизну его взгляда. И нужно было срочно решать, что делать с этим внеплановым попаданием.

Соня пришла в «Ладушки» на пятнадцать минут раньше, чтобы досконально изучить меню. Она, как все женщины, знакомые с Гошей Усачевым, знала, что тот любит хорошо поесть, и решила действовать через его желудок. Подозвав официанта и разведав мельчайшие подробности наиболее подходящих для Гоши, по ее мнению, блюд, Соня внимательно огляделась. Несколько столиков были заняты подвыпившей молодежью, шумно отмечающей какой-то студенческий праздник. Оказались среди посетителей и представительные седые мужчины с тугими портфелями, просматривающие во время обеда всяческие деловые бумаги. Рядом с ней расположилась пожилая, но точно не супружеская пара. Очевидно, это было свидание. Соне взгрустнулось: казалось, кто-то свыше делает ей недвусмысленный намек. Она представила, что лет так через... надцать будет так же сидеть в «Ладушках» в ожидании престарелого ухажера. И уговаривать того взять ее замуж. Ну уж нет. Соня поправила очки и потрянула головой. Нужно идти ва-банк и брать Усачева голыми руками, а вернее, ногами. Она подняла подол длинной юбки до колена и, как бы поправляя чулок, выставила на обозрение хорошенькую ножку.

Как раз об нее и споткнулся подходивший к столику Гоша.

– Appetitные голяшки, – плотоядно заметил Усачев, усаживаясь рядом с Соней.

– Ты о чем это? – схитрила та, прекрасно понимая, что ее вовремя выставленная конечность произвела впечатление на сослуживца.

– Куры, говорю, здесь отменные.

И он уткнулся в меню... Официантка, обманутая солидным видом Усачева, бегала как заведенная, предвкушая хорошие чаевые. Но Соня, зная хроническую жадность коллеги, понимала, что расплачиваться придется ей. А Усачев тем временем жевал капусту по-брюссельски, как заправский козел. Следом в его желудок прыгнул мясной салат и грибная закуска. Вместе с борщом Гоша навернул парочку жульенов и откинулся на стуле, довольно потирая руки.

– Так, и где же наш гусь с яблоками? – поинтересовался он у мелькающей между столами официантки. Та подобострастно кивнула головой и скрылась на кухне. – О чем ты хотела со мной поговорить, Романцева?

– Может, водочки? – заикнулась Соня, тыкая вилкой в салат из морских деликатесов. Основным ингредиентом в нем были крабовые палочки, при производстве которых ни один краб не пострадал.

– В рабочее время я не употребляю, – зачехлялся Гоша, но быстро добавил: – Впрочем, для аппетита по пятьдесят грамм можно.

Соня заказала пол-литра, зная, что Усачев, обожравшись и обпившись, станет намного сговорчивей и менее сообразительней. Водку принесли быстрее, чем гуся, поэтому Гоша заказал к ней жирную свиную отбивную с гарниром.

– О чем будем говорить? – поинтересовался он снова, впиваясь зубами в сочное мясо.

Соня, глядя на то, как Гоша справляется с едой, вздрогнула. Сначала она представила его на своей кухне, потом мысленно заглянула в свой холодильник, прошла по пустым кастрюлям и вздрогнула еще раз. Ее желание женить на себе Усачева как-то поутихло. Такого, думала Соня, мне физически не прокормить. Хотя, конечно, их брак будет фиктивным, значит, кормить Усачева не придется...

– А вот и наш гусь! – радостно завопил Гоша.

Соня заметила завистливые глаза студентов, и ей опять взгрустнулось.

– Ладно, Софья, – изрек Усачев, когда от гуся остались мелкие косточки – крупные он со вкусом разгрыз, – признавайся, чего у тебя.

– Понимаешь, – начала Соня, чувствуя, что момент истины наступил, – мне нужно за тебя замуж.

– Вот те раз! – удивился Гоша, вытирая сальные губы. – А ты хорошо подумала?

– Думать некогда, сроки поджимают.

– Когда это у нас случилось? – Усачев заикался и заерзал на стуле. – В прошлый Новый год? На старый Новый год? Восьмого марта? – лихорадочно принялся перебирать он корпоративные вечеринки.

Соня вспомнила, что на каждой из них Усачев уедался и упивался до полубессознательного состояния и не помнил, что творил. Сегодня ему можно было навешать не только возможную беременность, но и парочку готовых близнецов.

– Где доказательства, что это был я?! Наверняка все происходило в темноте. А ночью все кошки серы... – Гоша чувствовал себя припертым к стене и пытался вырваться из тесных объятий судьбы-злодейки, которую представил в виде жирного гуся с яблоками и ног Софьи Романцевой.

– Не суетись, Усачев. Сроки не те, о которых ты подумал. Дело в том, что мне нужно выйти замуж по работе.

– Зачем? – все еще не верил своему счастью Усачев.

– Я же тебе объясняю, ради карьеры, – снова повторила Соня, досадуя на Гошину несообразительность. – Меня командируют в Германию, но я должна быть замужней.

– Вот сволочи, – в сердцах ответил на это Гоша, представив себя на месте Романцевой. – Любого готовы оженить без разбору. Пережитки капитализма. Нарушение демократии и свободы выбора.

- Выбор я тебе предоставляю: хочешь – женись, не хочешь – не женись.

- А что мне за это будет?

Вот о чем Соня не подумала. Ее скоропалительное решение женить на себе Усачева никак не подразумевало оплату его соглашения. Она прикинула, какую выгоду должен будет извлечь Гоша.

- Я тебе заплачу. Будешь получать по пять процентов от моей зарплаты.

- Десять. – Усачеву понравилась идея стать оплачиваемым мужем.

- Гоша, – взмолилась Соня, – я еще не знаю, сколько они мне собираются платить.

Сошлись на семи процентах.

Оставшийся вечер пролетел за разговорами под красную рыбу и белое вино совершенно незаметно. Пожилая пара дружелюбно кивала в такт звону бокалов, когда Гоша поднимал тост за благополучие Сонькиной жизни в Германии. Студенты тягучим разноголосием затянули песню про дальнюю сторонушку. Казалось, что даже седые дядьки, листая бумажки между тарелками с супом, заговорили по-немецки. Расплатилась за ужин Соня, она же и довезла на своей «девятке» еле держащегося на ногах Усачева до его дома.

- Никому ни слова, – предупредила она в очередной раз.

- Заметано, – кивнул Гоша и нетвердой походкой скрылся в подъезде.

Соня достала красный блокнот и вписала рядом с его фамилией большущий вопросительный знак.

День второй

Поцелуй меня. – Сейчас? – Немедленно!

Итоги первого дня были неутешительными. Во-первых, разведенный Сева оказался голубым, а склоненный к браку Гоша мог взять назад свое слово в любой момент. Действительно, на следующий день он подошел к Соне и сообщил, что, хорошенько подумав, решил остаться холостяком. Соня поначалу подняла ставки до двадцати процентов, но жадный Усачев потребовал пятьдесят. Тогда она сказала, что согласна только на тридцать и ни рублем, вернее, евро, больше. Усачев потребовал сорок. Они разошлись недовольные друг другом. А в обеденный перерыв Соня встретила с Ларисой и поведала ей горькую правду о том, что среди коллег найти мужа не удастся.

- Не переживай, - успокоила подруга, - есть бывшие одноклассники и одноклассники.

Время еще оставалось.

За первые полчаса скорбный список в красном блокноте пополнился фамилиями одноклассников, уже не помнивших, кто такая Софья Романцева. Даже несмотря на то, что их городок можно было пешком обойти за пару часов, со многими бывшими однокашниками Соня потеряла связь. Кто-то из них занимался торговлей, кто-то преподавал в школе, некоторые уехали в поисках лучшей доли в столицу. Рядом был Алеша Воронцов. Он работал у отца в ремонтной мастерской, куда Соня обращалась, когда у «девятки» в очередной раз что-то ломалось. Но взяться за Воронцова, значит - потерять хорошего мастера. Этот опыт Соня извлекла из своего общения с коллегами по работе: Усачев дулся на нее, а Караванов прятал взгляд.

Соня достала потрепанную записную книжицу с выцветшими от времени телефонными номерами и начала обзвон. После полуторачасового мониторинга она узнала, что все (!) знакомые ей однокашники мужского пола женаты, некоторые по второму, а Степан Колбаскин - по третьему разу. Еще через полчаса информация обновилась - Степан оказался разведенным. Этим радостью она поделилась с Ларисой, забежавшей к ней на работу.

- Отлично, - обрадовалась та. - Колбаскин у нас в кармане! Но есть другая проблема, решение которой требует твоего немедленного отказа от других дел.

Проблема решалась в местном отделении загса, где подать заявление на бракосочетание требовалось заранее. Лариса за коробку шоколадных конфет и бутылку шампанского договорилась о том, что им найдут более раннее время и пути обхода положенного срока на ожидание. За конфетами с шампанским вышла представительная дама на высоченных шпильках и хорошо поставленным голосом поинтересовалась, где брачующиеся.

- Понимаете, - прыгала возле нее Лариса, трясая рыжей шевелюрой, - есть невеста, жених будет позже.

- Вот тогда пусть и приходят. - Дама обвела взглядом комнату, в углу которой у стенда пристроились будущие молодожены, занимающиеся изучением цен на услуги загса.

- Нам нужно сегодня подать заявление. - Лариса сунула даме презенты.

- Ясно, что сегодня. - Та взяла конфеты с бутылкой и скрылась в кабинете.

- Вот, заполняйте. - Вернувшись она протянула девушкам бланки. - Строчки с информацией о женихе можно пропускать.

Подруги пристроились у огромного стола и принялись заполнять бланки. Делали они это впервые в жизни, и хотя ничего сложного в вопросах не было, им пришлось поднапрячься. Обсуждали вслух и, увлекшись, не заметили, как рядом с ними оказалась колоритная бабуля в пуховом платке.

- Доченьки, - попросила она жалостливым голосом, - помогите, - и протянула свои бумаги.

- Бабуля, - ласково обратилась к ней Лариса, - нам некогда. Мы сами заполняем заявления на брак. Приходи с дедушкой, он тебе и поможет.

- Некогда ей! - Старушку словно подменили. - Деда приводи! Ишь, какая умная нашлась...

Батюшки! - приглядевшись, она всплеснула руками. - До чего дошло, девки друг на друге женятся!

Молодая пара бросила цены и с интересом уставилась на подруг.

– До чего довели демократию в стране! – не унималась старушенция, размахивая бланками над Ларискиной головой. – Совсем стыд потеряли!

– Из мужчин на мне никто не захотел жениться, – тихо вставила Соня, поправляя очки.

– Милая, – бабуля сменила гнев на милость и покачала головой, – надо же, такая девка справная. Кидай ты эту потаскушку, – она кивнула на Лариску. – Я тебя со своим внуком познакомлю.

Незаслуженно обиженная Лариса попыталась оттеснить наглую бабку, но та заняла возле Сони глухую оборону и, диктуя номер телефона внука, следила за тем, чтобы Соня его записала.

– Обязательно позвони, я сейчас к нему схожу и скажу, чтобы сводил тебя в клуб на танцы. А заявление на смену имени потом напишу. Видишь, – она повернулась к Ларисе, – имя у меня отвратное – Лариска, как у крысы, что со старухой Шапокляк жила. Хотела стать Анжеликой, маркизой ангелов. Книжка есть такая жалостливая, про жизнь. Сейчас все можно, только плати.

Дважды обиженная Лариса демонстративно отвернулась от старушки, но та, убедившись, что Соня записала телефон ее внука, уже спешила к выходу.

– Ты что делаешь? – удивилась Лариса, видя, как Соня аккуратно вписывает только что обретенный номер в телефонную книжку.

– На всякий случай, мало ли что еще будет. У меня вообще нехорошие предчувствия.

– Не паникуй, подруга. Они у нас в кармане! А этого внука лучше сразу занеси в свою красную книгу как исчезнувший вид.

В чем-то она была права. Мужчины, думала Соня, действительно исчезают с лица земли как вид. Остаются одни подвиды. Но и их в мгновение ока разбирают нахрапистые отряды женского пола. Забивают еще в младенческом возрасте. С

детского садика, с яслей. А родители в этом потекают: «Гляди, сынок, какая невеста на горшке рядом с тобой сидит», или что-то подобное в том же духе. В голове мальчугана крепко цепляется мысль, что если девочка сидела рядом с ним на горшке, она – невеста. А если в другом месте – вешалка, которая только и мечтает о том, как бы его охомутать. Соня в детстве не ходила ни в ясли, ни в сад, поэтому свой шанс упустила сразу. Вот теперь наверстывает упущенное.

С такими грустными мыслями она подошла к книжному магазинчику, в котором торговала ее бывшая школьная приятельница.

– Тебе, как всегда, Куликову? – поинтересовалась та после привычного обмена приветствиями.

– Давай, – Соня махнула рукой, – все равно делать по вечерам нечего. Я же одна живу. Да, кстати, сегодня узнала, что Степан Колбаскин развелся.

– Тоже теперь один, – вздохнула приятельница.

– Может, пьет?

– Нет, говорят, тоскует.

Тосковал Степан, как выяснилось, по своему старому адресу, который был до безобразия прост: его квартира находилась как раз напротив Усачевской. Вечером Соня, взяв солидную папку с документами, отправилась ошибаться адресом.

– Вот это да! Сонька! Какими судьбами? – Степан совершенно не был похож на убитого горем брошенного мужа.

– О! – делано удивилась несостоявшаяся когда-то артистка. – Ты здесь живешь?

– Я, – обрадовался Колбаскин.

– А я думала, Усачев, – Соня пожала плечами и поправила выбившуюся из пучка прядь волос.

- Этот хмырь живет напротив, - продолжал радоваться Колбаскин, - но его сейчас нет дома. Он окучивает какую-то лаборантку.

- Гоша документы забыл на работе, - Соня указала на папку, - но раз его нет...

- Да ты проходи, - Степан распахнул дверь, - гостем будешь. Вспомним прошлое, про жизнь поговорим.

Про жизнь говорили полчаса. Потом Степан признался в том, что с первого класса был в нее влюблен, и полез целоваться. От неожиданности и выпитого вина у Сони закружилась голова. Девушка откинулась на спинку дивана, и Степан, решив, что это согласие на продолжение действий, принялся расстегивать ее блузку.

- Подожди, - она убрала его руки, - я не могу так сразу.

- Мы уже час тусуемся, - обиделся Колбаскин и подозрительно прищурился, - или у тебя кто-то есть?

- Никого. Но мне нужны другие отношения.

Степан встал и развел руками.

- Тогда я - пас. После последнего брака я не готов к продолжительным отношениям.

- Даже на один месяц? Потом можно развестись.

Он не давал гарантии и на неделю, чем полностью разочаровал Соню. Она выскочила из подъезда и наткнулась на Гошу с Зоей. Физиономии последних вытянулись еще больше, когда из окна донесся хриплый голос Колбаскина:

- Сонька, вернись, я тебя люблю с первого класса!

- Тридцать девять, - подступил к ней Усачев.

– Тридцать и ни пфеннигом больше.

Она заскочила в машину и выехала с этого невезучего двора.

Но добраться до дома у нее не получилось, «девятка» заглохла на светофоре. Эту болезнь своего железного коня Соня знала наизусть и смогла бы вылечить ночью с закрытыми глазами. В карбюраторе залипал какой-то контакт. На глазах всей улицы она достала молоток, открыла капот и стукнула им по капризному прибору. Машина завелась, но вместо того, чтобы поехать домой, девушка завернула в мастерскую к Леше. Нет, Соня не собиралась требовать от него немедленной женитьбы. Просто, вспоминая однокашников, она подумала и о нем.

Алексей Воронцов предстал перед девушкой в грязном, засаленном комбинезоне, но вместо необходимого слесарю, по мнению Сони, огромного ключа в руках у него был небольшой приборчик.

– Сейчас мы продиагностируем твою красавицу, – он усмехнулся и залез под капот.

Ей всегда нравился этот веселый, улыбчивый парень, одно время девушке даже казалось, что симпатия взаимна. Но когда Соня увидела Алексея на каком-то концерте вместе с длинноногой девицей, неизвестно откуда появившейся в городе, уверенность в том, что она ему небезразлична, растаяла, как летний утренний туман. Осталось лишь смутное чувство чего-то недосказанного и вовремя не сделанного. Соня пожалела, что не ходила с ним в детский сад. Он был ее одноклассником, но девочки его никогда не интересовали. Алексей был увлечен автомобилями. Вот и сейчас он с упоением возился с ее «девяткой».

– Софья, ты когда последний раз меняла масло? – строго спросил он, оторвав девушку от раздумий.

– Ну... – Она снова впала в ступор, пытаясь припомнить, меняла ли его вообще.

Потом выяснилось, что Соня много чего не делала. И еще больше ей предстоит сделать. Все эти мелкие подробности Алексей сопровождал своей неизменной улыбкой, словно наслаждался производимым эффектом. Соне было все равно, чего там не хватает ее машине для быстрого старта и почему через пару лет

пороги начнут подгнивать. Она вообще рассчитывала за это время сменить «девятку» на какую-нибудь модель «Ауди». Но для этого нужно срочно выскочить замуж. Один лишь маленький штампик в паспорте против всестороннего благополучия. Нет, жизненные ценности распределяются несправедливо.

- Ты меня не слушаешь, - Алексей усмехнулся, глядя на то, как Соня задумчиво водит длинным ногтем по пыльному капоту. - Ясно, у тебя роман.

- Роман? Какой Роман? - Соня посмотрела на свой рисунок: сердечко, пронзенное кривой стрелой. - Стрелкин! - вспомнила она.

- И чего ты только в нем нашла? - удивился Воронцов.

- Еще не искала, но обязательно найду!

Соня договорилась с Воронцовым, что обязательно отдаст свою машину в его руки на следующей неделе, и поехала к Ларисе.

Та ее не ждала и занималась любимым делом: валялась на диване и ела бутерброд. Это было вечерним времяпрепровождением подруги, с тем лишь дополнением, что у нее под носом диктор сообщал последние новости. Сейчас телевизор молчал, зияя черным экраном.

- Сломался, - голосом хирурга Лариса поставила диагноз, - надо вызвать мастера.

- Потом. - Соня пробежала на балкон. - Кто рядом с тобой живет?

- Стрелкины, - поморщилась та. Но через несколько секунд скорбные морщинки разгладились. - А Ромка-то - холостяк!

- Вот и я о том же, - обрадовалась Соня.

- Он у нас в кармане, - Лариска потерла руки.

– Зови! – Соня подбежала к дивану, скинула куртку, поправила блузку. И пока подруга бегала за соседом, успела поменять несколько поз, приноравливаясь пристроить ноги и руки в выгодном ракурсе.

Через пять минут Лариса стояла перед ней вместе с соседом. Роман Стрелкин был их одноклассником, как они могли про него забыть, обе не понимали, но радовались, что сумели вовремя исправить ошибку.

Длинный, тощий очкарик Стрелкин был ботаником в самом прямом смысле этого слова. А еще он любил мышей и бабочек, которых ловил сачками всю сознательную жизнь. Девчонками в школе он, как и Воронцов, интересовался мало.

– Привет. – Соня томно протянула Стрелкину узкое запястье.

– Софья? – Роман указательным пальцем поправил свои окуляры и галантно приложился к ее руке.

– К чему же так официально, – та старалась расположить его к себе как можно быстрее.

– Н-да. Соня? – Стрелкин глупо улыбнулся и огляделся. – Ну и что у вас тут случилось?

– Вот, – Лариса показала на телевизор.

– Сломался, надо вызвать мастера, – после небольшой возни с включением приказавшего долго жить телевизора констатировал Роман.

– Понятное дело, – ответила ему Лариса, – что сломался. Мы подумали, ты и починишь.

– Я? – Изумлению Стрелкина не было предела.

– Ты, – подтвердила Соня, у которой страшно затекла левая нога, неудобно устроенная для сногшибательного эффекта под правой частью таза. И девушка решила действовать еще быстрее. – Ты же такой...

– Какой? – снова удивился Стрелкин и вознес указательный палец к носу.

– Такой умный, решительный, смелый, – пела ему коварная соблазнительница.

Палец Стрелкина застыл в двух сантиметрах от очков, и Соня судорожно закивала Ларисе, давая понять, что пора оставить их с Романом вдвоем.

– Н-да. – Стрелкину понравилось, но он еще не верил. – Ты меня разыгрываешь!

– Ты что?! Я всегда говорила, что ты – клад, правда ведь, Лариса?

– Ага, – крикнула та уже из кухни, закрывая за собой дверь.

– Вот видишь, – Соня наконец-то вытащила из-под себя ногу и с облегчением вздохнула.

Стрелкин истолковал ее вздох совершенно по-иному: столько эротики и чувственности в этой холодной девчонке, которую в школе мальчишки называли Снежной королевой, – и все для него! Ошеломленный Роман опустился на диван рядом с Соней.

– Поцелуй меня, – прошептала она, закрыв глаза и представляя вместо Ромки Колю Баскова.

– Сейчас? – изумился тот.

– Немедленно! – приказала Соня.

Стрелкин покраснел и побледнел почти одновременно. Изрыгая странные, непонятные звуки, он обратил свой взгляд сначала на кухонную дверь, потом на темный телевизор. Как будто ждал в последний момент, что из кухни или телевизора выскочит кто-то и образумит бессовестную Соньку, за которой он безрезультатно ухаживал в третьем классе. После этого Роман посмотрел на Соню, зажмурился и поцеловал ее в губы, неуклюже обнимая и прижимая к себе.

Целоваться Стрелкин не умел. Это Соня поняла сразу и почувствовала, что совращает ребенка-переростка. К тому же приятных ощущений ей Ромкин поцелуй совсем не доставил. Она откинулась на подушку-думку, решив сделать это грациозно, но промахнулась и ударилась головой о подлокотник. Ей повезло, что тот оказался обит сукном, но все-таки было больно. Стрелкин, который сразу же после произведенного действия в порыве чувств отвернулся, чтобы смахнуть навернувшуюся слезу, объяснил ее болезненный стон как выражение полного удовлетворения и восторга.

- Теперь я должен на тебе жениться, - твердо сказал Роман, поворачиваясь к ней лицом.

- Ой! Е-ей!

Такого поворота событий Софья никак не ожидала. С одной стороны, она этого самого и добивалась. Но победа далась настолько легко, что радости не доставила. Не покидало еще и чувство того, что она соблазнила святого. И от этого на душе прямо кошки скребли. Кое-как выпроводив Стрелкина и пообещав ему непременно завтра позвонить, Соня пошла на кухню и рассказала обо всем Ларисе. Та, конечно же, не разделила ее сомнений по поводу брака со Стрелкиным. Соне показалось, что ради немецких шмоток Лариска отдала бы ее замуж за кого угодно. Хотя, если подумать, какая разница, за кого выходить. И как, по любви или по расчету. Любви не было. Значит, налицо расчет. Стрелкин, подумала Соня, идеально подходит на роль фиктивного супруга. А вдруг он поедет за ней? Потребуется выполнения супружеских обязанностей, рождения детей. Ей придется знакомиться с его мамой, терпеть ее выкрутасы и рассказы о том, как она тяжело растила сына, а он достался какой-то Соньке... И придется прожить со Стрелкиным всю жизнь! И самой быть Стрелкиной!!! Картины, одна страшнее другой, представали перед ней до тех пор, пока она, вернувшись домой, не улеглась в постель.

День третий

Мужики слетаются только на еду

Утром ее разбудил звонок. Сониная рука потянулась к будильнику, чтобы заставить его умолкнуть, но зависла в воздухе и через пару секунд опустилась на телефонную трубку. Звонила мама. Она всегда любила будить дочь по субботам, потому как считала, что сон, безусловно, лучшее лекарство для больного, но для здорового – чистый вред. Мама жила на другом конце города, и это немного спасало Соню от ее постоянных визитов, к тому же в весенне-летне-осеннее время она была занята выращиванием картошки и яблок у себя на участке. Вот и сегодня, собираясь ехать на дачу, она заблаговременно разбудила дочь. Правда, на этот раз мамино сообщение поставило Соню на ноги гораздо быстрее обычных слов утреннего приветствия.

– Я тебе вчера весь вечер звонила, – упрекнула ее мать, – где ты пропадала?

Пришлось оправдываться, говорить, что гостила у Ларисы, к которой совершенно случайно зашел ее сосед, их бывший одноклассник Рома Стрелкин. То да се, засиделись. Мама попыталась вспомнить Стрелкина, но не смогла. Соня удивилась тому, что даже мама, которая все школьные годы активно действовала в родительском комитете, не помнит Романа. Девушка, зевая, стала описывать тощего очкарика, в классе всегда сидевшего за ней. Мама не помнила. Зато поинтересовалась, как дела у Воронцова. После скудных Сониных слов о том, что нужно менять масло, какой-то мастикой красить пороги, и вообще машину пора отдавать в ремонт (кстати, все это относилось к тому, «как дела у Воронцова»), мама наконец-то вспомнила, зачем звонила.

– Софья, к тебе приедет погостить наша родственница Александра из Чугуевки.

– Когда? – Соня испугалась, что придется старательно выслушивать длиннющие рассказы престарелой старушки о родственных связях и таскать ее по музеям.

– Сегодня. Это внучка Александры Петровны. Помнишь, мы гостили как-то летом у них в Чугуевке.

Внучка несколько меняла дело. Тем более что Соня запомнила то лето на всю жизнь. Именно тогда она первый раз поцеловалась с Пашкой Зайцевым в каком-то сарае среди кур и прочей живности, и Пашкины слова любви, сдобренные смачным кудахтаньем кур и пением петуха, казались ей лучшим, что было в ее одинокой жизни. В то лето Соне исполнилось тринадцать лет. Потом каникулы кончились, она уехала, а Пашка остался. Больше они не виделись.

Неожиданно в дверь позвонили.

- Это Александра, - предупредила мама.

- Уже?!

Действительно, на пороге стояла родственница из Чугуевки. Полноватая девица с толстой русой косой за плечами и без единого намека на косметику на скуластом загорелом лице. Говорила она полубасом, улыбаясь так широко, что были видны чуть ли не все зубы.

- Здравкайте, Софья Алексеевна! Чай, не ждали. Выскочили в одном белишке.

- Это топик, - растерялась Соня.

- А это я. - Александра раскрыла для нее свои объятия.

И окунула Соню в запахи сена, ветра и чистого воздуха. Выбравшись из родственных объятий, Соня повела ее на кухню. Она решила, чем быстрее та забьет себе рот едой, тем легче будет в спокойной обстановке сообразить, что делать с незваной гостьей. Вместе с родственницей на кухню перекочевали многочисленные котомки с деревенскими припасами.

- Вот, - радовалась Саша, разгружая их, - на прожитие хватит.

- А сколько нам жить? - поинтересовалась Соня.

- Недолго, - в ответ та махнула рукой, - вот выйду тут у вас замуж и съеду. Мужиков в деревне не хватает, понимаешь? Те, что есть, - или алкаши, или лентяи. А у нас угожья, поля с картошкой, скотина опять же. Мужик нужен.

Ясненько, подумала Соня, родственница приехала надолго.

Тем временем Роман Стрелкин после бессонной ночи мучался сомнениями: позвонит Соня или нет. То, что случилось прошлым вечером, не должно было

случиться в принципе. Он дал слабину, поддался женскому очарованию, нахлынувшим воспоминаниям, детской влюбленности. И, вообще, Роману давно уже нравилась Лариса. Когда она проходила мимо, сердце его опускалось и билось где-то в коленках. А как эротично она поправляла свои рыжие волосы, как призывно произносила его имя, как томно глядела в глаза. Особенно вчера, когда звала чинить телевизор. Такой он ее давно не видел. Было так очевидно, что она им заинтересована. Роман планировал, что через пару лет, когда защитит докторскую диссертацию, сделает ей предложение руки и сердца. А тут подвернулась Софья и все испортила – выгнала Ларису из комнаты и соблазнила его, как мальчишку. В порыве забытых чувств, одурманенный Романцевой, у которой глаза горели, как у удава, он, как кролик, совершенно потерял волю. К тому же, подумал Роман и схватился за голову, он обещал на ней жениться!

Короче говоря, Стрелкин считал, что его попутал черт. И сегодня, вместо того чтобы ехать к знакомому биологу на дачу под принятым между друзьями названием «Мой хутор» ловить для своей коллекции бабочек, он должен был дожидаться Сониного звонка. К восьми часам утра сомнения его уже просто раздирали. Он твердой рукой набрал номер.

– Софья? Это Роман. Доброе утро. Я только хотел спросить, ты мне сегодня будешь звонить?

Соня с Сашей как раз пили кофе с деревенскими пирогами.

– Это твой молодой человек? – заинтересованно спросила Саша шепотом.

– Зачем я стану тебе звонить, ведь ты уже мне позвонил. – Соня утвердительно мотнула ей головой.

– Вот и ладно, – обрадовался Роман, – тогда я уехал.

– Куда? – Соня не поняла, чего от нее хотел Стрелкин.

– На хутор бабочек ловить.

– Все, – слышавшая этот диалог Саша рубанула ладонью воздух, – больше о нем не вспоминай, он слинял.

Вот гад, подумала Соня. А ведь и правда – слинял. Ей первой следовало позвонить Стрелкину и сообщить, что между ними ничего не было и быть не может.

– Ты такая доверчивая, – жуя пирог, пришла к выводу родственница, – потому и сидишь в старых девах.

Соня обалдела. До этого самого момента старой девой ее никто еще не называл. По крайней мере, вслух.

– Да и готовить не умеешь, – Саша заглянула в холодильник. – Мужики пожрать любят.

А то я не знаю, подумала Соня, некоторые вообще жрут тазиками. Родственница внимательно оглядела хозяйку и добавила:

– Не переживай, найдем мы тебе кавалера. Сейчас борща наварю, окно открою, и они слетятся, как мухи на навоз.

Пока Александра, сняв кофту и засучив рукава простецкой блузки, кашеварила на кухне, Соня позвонила Ларисе и пригласила ее на борщ. Рассудив, что если не слетятся мужики, пусть хоть приятельница поест диковинного блюда. А то у нее каждый день одни бутерброды. Потом Соня занялась наведением порядка, рассовывая разбросанные с вечера вещи по положенным им полкам и шкафчикам и пылесосив оставшуюся после них пыль. Через пару часов она управилась, завершила готовку и Саша, к этому моменту прибежала Лариса. Ладно, подумала Соня, субботняя жизнь, вроде бы как налаживается и даже начинает ей нравиться.

Борщ получился на славу, как говорится, за уши не оттянешь. К тому же Соня достала из своих запасов бутылку шампанского, и они выпили за знакомство. В открытое Сашей окно доносились обрывки слов со двора дома, а у входной двери топтались чьи-то ноги. Вдруг раздался звонок. Один мужик все-таки прилетел, им оказался сосед по площадке Рудик Царьгородцев.

– Рудольф, – представился он женской компании и признался: – Не смог пройти мимо такого обольстительного запаха!

Как обмельчали мужики, подумала Соня. Слетаются только на еду. Она пригляделась к Рудику, который уже сидел рядом с тарелкой, до краев наполненной борщом. Большой и толстый сосед-водитель никаких чувств в девушке не вызывал. Для нее он был как инопланетянин – те тоже где-то есть, но их не всегда видно. Живут своей жизнью, мелькают то тут, то там. По субботам Рудик чаще мелькал с мусорным ведром.

– Кто из вас так отменно готовит? – поинтересовался сосед.

– Яй! Ай! – вскрикнула Соня, чью ногу придавила ножища сорокового размера.

– Ага, она, – тыкнула пальцем в Соню Александра, нажимая на ее ногу еще сильнее.

– Вот те раз, – удивился сосед, – а я думал, что она у нас деловая дама.

Он вытер рукавом рот и заинтересованно посмотрел на Соню. Та сделала испуганные глазищи и выскочила из-за стола мыть тарелки.

– Она у нас на все руки мастерица...

И пошло-поехало. Оказалось, что Соня шьет одежду, вышивает крестиком, мастерит поделки из коры дуба, вяжет шерстяные носки на всю родню. Перечень Сониного рукоделия в устах Александры был нескончаем. Лариса даже застыла с куском пирога, вслушиваясь в то, что в принципе могла бы делать ее подруга. Это было похлеще новости про инопланетян, якобы приземлившихся на окраине города.

То ли Соня вела себя не так, как надо, то ли Ларискино удивление выдало ее с головой, то ли еще что-то, но Рудик после деревенских малосольных огурчиков и смородинового варенья сосредоточил свое внимание на Александре. Дружественная встреча завершилась тем, что он пригласил ее завтра в кино и ушел к себе в соседнюю квартиру.

– Хороший мужик, добротный. На меня повелся. Не переживай, – кивнула она Соне, – что-нибудь придумаем.

Думали недолго. Так как день близился к вечеру, решили втроем отправиться в местный клуб Стекольного завода на дискотеку, где можно было немного «подрыгаться» и с кем-нибудь познакомиться.

Собирались долго. В основном потому, что ни Сашу, ни Ларису не устраивал Сонин гардероб. Такие же строгие, как ее пучок волос, однообразные костюмы. Лариса сбегала домой и принесла короткую юбку, облегающую майку и разноцветные колготки. Соня схватилась за голову, но ту быстро подставили под горячую воду и хорошенько намылили, смывая с волос тягучую бриалиновую жидкость. После просушки феном и возведения на Сониной голове шевелюры, напоминавшей копну мелкой вермишели, приятельницы отступили на шаг и цокнули языками. Лариса и Саша были довольны, Соне пришлось с этим смириться. Она опять попыталась возражать, когда на нее слоями накладывали декоративную косметику, но сил для сопротивления оставалось все меньше.

Клуб, так же как и завод, располагался на городской окраине и считался лучшим тусовочным местом Тугуева. Добираться до него решили на машине, которую припарковали чуть в стороне. После чего под орущие со всех сторон динамики о Прасковье из Подмосковья девушки в приподнятом настроении зашли в обшарпанный полутемный зал.

Соня уже лет десять как не была на подобных мероприятиях. По недоуменным лицам своих подруг она поняла, что и те посещали дискотеку нечасто. Даже в этой темной-претемной темноте, у колонны рядом с входом было совершенно ясно видно, что кругом одни малолетки. Самому старшему из них едва исполнилось восемнадцать. Соня определила это по его бегающему взгляду скрывающегося призывника. Тощий несостоявшийся боец шаткой походкой подошел к ним и предложил недорого «колеса». Соня встрепенулась, заинтересовалась маркой и попыталась втянуть парня в обсуждение толщины резины, перекрикивая динамики, тоскующие по березкам. На что тот отреагировал совершенно, по ее мнению, неадекватно.

– Тащишься от конопли? Так бы сразу и сказала.

И шаткая походка увела его в глубь зала. Тут же, как из-под земли, вырос какой-то прыщавый юнец и со словами «Какие ядреные пэтэушницы!» хлопнул Сашу по заднице. Та фыркнула и заправски дала ему в глаз. Соня испугалась, схватила родственницу за руку и потащила к выходу.

Через минуту они втроем уже сидели в Сониной «девятке», благо у той были тонированные стекла. Соня безрезультатно вертела ключом в замке зажигания. Поняв, что машина снова «выделяется», и убедившись, что мстить за тощего никто не собирается, она вышла из «девятки» с молотком и открыла капот. Результата не последовало. Машина не подавала признаков жизни. Пришлось бросать ее на произвол судьбы, то есть на Воронцова, и отправляться голосовать на дорогу. Можно было бы пройтись пешком, но высоченные каблуки и облегающие юбки не давали сделать и десятка шагов.

Соня по мобильнику как раз объясняла Алексею, где он может забрать ее «девятку» в ремонт, когда рядом с девушками остановился выдавший виды полицейский «газик».

– Новенькие? – спросил хмурый водитель.

– Да, в первый раз здесь, – ответила ему Саша.

– Что, девчонки, – ухмыляясь, поинтересовался сидящий рядом с водителем молодой сержант, – работаем?

– А как же, – хором ответили те, после чего оказались в «газике».

Но вместо жилого сектора полицейские доставили их в отделение.

– Проститутки, – кивнул на них сержант, – три штуки.

– В обезьянник, – махнул рукой усталый лейтенант.

– Кто проститутки? – возмутилась Лариса. – Мы – проститутки?

– Нет, мы... – издевательски бросил ей в ответ уходивший на очередное «здание» сержант.

Субботний вечер начинал приобретать совершенно иной колорит.

О том, что зря они начали с обвинений и возмущений, Соня догадалась часа через два, сидя на длинной деревянной скамейке в зарешеченной камере, из которой хорошо проглядывался стол лейтенанта. Полицейский все это время занимался какой-то облезлой особой с синяком под глазом, пропитавшейся стойким запахом алкоголя, от которого у девчонок в обезьяннике кружились головы и слезились глаза. Хотя глаза были на мокром месте, скорее всего, от обиды и бессилия.

- Имею право на один телефонный звонок! - билась о прутья решетки Лариса и вождеденно смотрела на конфискованные сумочки, брошенные на столе.

- Звонок другу! - поддержала ее Соня.

- Цыц! - лейтенант погрозил пальцем. - Вам же хуже. Помешаете мне разбираться с гражданкой Сидоркиной, не дождетесь своей очереди до утра.

Угроза возымела действие, девушки примолкли.

- Значит, так. - Лейтенант направил поток света от прикрепленной к столу лампе на Сидоркину. - Пишем в протоколе: «В 19 часов 35 минут, когда гражданин Сидоркин зашел на кухню, вы сидели и читали...»

- Конечно, читала, чтоб мне сдохнуть. - Та отклонилась от света и трясущейся рукой прикрыла синяк. - Что же я могла еще делать?

- Читали эту книжку? - Он повертел вещественным доказательством - толстым томом «Анны Карениной» с оставленными на обложке жирными селечными следами.

- Эту, - подтвердила гражданка, смахнув пьяную слезу, - такая жизненная книжка, сдохнуть мне на этом месте!

- ...Льва Толстого, - цитировал лейтенант то, что записывал на листе бумаги.

- Чего чирикаешь, - вдруг запротестовала Сидоркина, - такого не знаю! За него отвечать не собираюсь. Ленку Тощего знаю - обколотый придурок. А Толстого ни в жисть, чтоб мне сдохнуть.

- Цыц! - лейтенант продолжал писать. - Читала книгу Льва Толстого стоимостью пять рублей семьдесят копеек...

- Еще двое скинутся - на бутылку самогона хватит, - мечтательно произнесла гражданка, услышав про пять рублей.

- Когда вошел гражданин Сидоркин, гражданка Сидоркина поинтересовалась его заработной платой...

- Ага, так интеллигентно сказала: где деньги, чтоб ты сдох?!

- Гражданину Сидоркину не понравилось, что жена продолжает самообразование, - писал лейтенант. - И он сделал попытку воспрепятствовать этому, забрав книгу у гражданки Сидоркиной...

- Так я и отдала, - усмехнулась та.

- ...В результате чего гражданин Сидоркин был госпитализирован с телесными побоями и множественными переломами...

- Ученье - свет! Чтоб мне сдохнуть.

Соня глубоко сомневалась, что гражданка Сидоркина вообще знала буквы. Но лейтенанта эта история вполне удовлетворила, закончив писать, он открыл обезьянник и втокнул к ним «почитательницу» великого писателя.

После пятиминутного перерыва подошла их очередь. Первой выскочила Лариса и, усевшись за стол, схватила свою сумочку и стала в ней рыться. Лейтенант не препятствовал поискам, а спокойно продолжал что-то писать в потрепанном журнале.

- Фамилия?

– Вот! – Лариса наконец-то нашла то, что искала. Весь ее торжествующий вид говорил о том, что, отсидев в обезьяннике пару часов, она получила удар по голове воображаемым яблоком и была готова кричать «Эврика!».

– Что? – Страж порядка взял из рук Ларисы бумажку и привычно зачитал вслух: – «Внештатный корреспондент районной газеты «Знамя труда»...

– Да! – почти кричала Лариса. – И мы выполняли задание редакции по внедрению в ряды женщин легкого поведения.

Пока та объясняла лейтенанту, на какую именно тему ей нужно сделать материал, и пыталась это наглядно изобразить, Соня вспомнила, что действительно когда-то подруга встречалась с журналистом из местной газеты, результатом чего стала заметка про архитектурные излишества Тугуева и удостоверение внештатного корреспондента, так вовремя подвернувшееся сейчас под руку.

– Богема, блин, – вздохнул коп, перечеркивая строчку в журнале. – В следующий раз не попадайтесь!

Девушки вышли из отделения, окрыленные Ларискиным успехом. Хотя, подумала Соня, если наша полиция верит тому, что гражданка Сидоркина по вечерам на кухне читает «Анну Каренину», то чего уж удивляться журналистам, вместо проституток стоящим на дорогах.

День четвертый

Любой чукча может запудрить мозги доверчивой провинциалке

Еще один выходной день начался не так, как бы хотелось. Вместо прекрасного принца, будившего Соню во сне прикосновением губ, внезапно возник расплывчатый образ Стрелкина в полицейской форме, который худой рукой с длинными пальцами барабанил в окно и требовал конопли. Она резко открыла глаза и скосила их в сторону действительно доносившихся звуков. К счастью, в окно барабанил не Стрелкин, а ветки дерева, растущего прямо у подъезда. Соня

перевернулась на другой бок, но уснуть больше так и не удалось. Она начала свой обычный утренний моцион с мыслями о том, что нужно бы дойти до РЭУ и заставить его работников подровнять крону разбушевавшегося тополя. Или осины. В деревьях Соня не разбиралась.

У ванной ее ждал сюрприз – мало того что дверь была закрыта с внутренней стороны, она еще пропускала душераздирающие звуки, исходящие от воющей по ту сторону родственницы. «Ясно, – подумала Соня, – в деревне нет ванны, а у меня нет звуконепроницаемой двери. Сашка плескалась вчера, начала с купания утро, значит, продолжит это и днем. Умываться придется на кухне».

Сестрица, всюю голося «Да, я Прасковья из Подмосковья!», возилась в ванной часа два. Соня в это время сидела на кухне, пила пятую чашку кофе. Разглядывала объявления о брачных услугах в местной районной газете, где числилась внештатным корреспондентом ее приятельница, и ждала обещавшую прилететь на крыльях Ларису. У той по телефону был настолько подозрительный голос, что Соня боялась, как бы она не прилетела на крыльях очередной любви.

Вместо Ларисы на этих самых крыльях прилетел сосед-водитель. Весь его вид говорил о том, что за последние сутки с ним что-то произошло. Оно, это произошедшее, заставило соседа надеть галстук и пиджак. Галстук был в мелкий горошек, пиджак в полосочку, а джинсы с майкой оказались совершенно выцветшими. Соню, привыкшую к офисному виду мужчин-коллег, прикид соседа удивил чрезвычайно. Но тот истолковал ее реакцию по-своему.

– Ты это... не обижайся и все такое. Я к твоей родственнице. Хочу ее в кино сводить и все такое.

– Пожалуйста, без этого, – очнулась Соня. – Она девушка серьезная и приехала в город устраивать свою семейную жизнь, а не заниматься «всем таким» с моими соседями.

– А я что? – удивился тот. – На семейную жизнь с ней я согласен.

«Почему я встал у стенки? Подгибаются коленки», – Соня вспомнила вечные стихи Михалкова из далекого детства. Закрыв дверь за водителем, обещавшим сбегать за цветами и шампанским, она пошла на кухню и налила себе шестую чашку кофе.

– Это хорошо, мужик он справный, – обрадовалась наконец-то вылезшая из ванны Саша, подвязывая махровый халатик на «кустодиевском» теле. – Будет кому в деревне механизатором работать. У нас и комбайнеры требуются. А не захочет, так пусть на своей фуре катается. Лишь бы деньги в дом носил и с хозяйством управлялся.

Соня задумалась. Вот так парень – пришел, увидел, полюбил. И жениться готов, что самое удивительное, на первой попавшейся сельской девчонке. Что с ней, городской, не так? Слишком умна, худа и вредна? Если бы была умной, уже оженила бы на себе какого-нибудь дальнобойщика. И разъехались бы в разные стороны по обоюдному согласию: он – в даль, она – к немцам. Может, обожраться деревенских пирожков и поправиться? Мужчины любят худых, а женятся на толстых! И не вредная она вовсе. Подумаешь, напомнила пару раз соседу, что мусорное ведро нужно доносить до баков, а не до подвала. Почему же ей предпочли другую?

– Не скучай, – смачно дожевывая завтрак, прошамкала Саша. – Собирайся, сейчас пойдем к свахе. Подмажь где чего надо, а то выглядишь слишком кисло. Растяни улыбку до ушей, не стесняйся. Зубы у тебя справные, как у совхозной кобылы, что у нас в прошлом году окочурилась от старости. Во зубы были, камни грызла!

И Саша показала кулаком размер камней, сгрызенных кобылой, которая так и не пережила голодную совхозную жизнь. «Ладно, – подумала Соня, – хоть зубы у меня хорошие. Значит, шанс еще есть».

– Есть, есть, – подтвердила прилетевшая через часок Лариса. – На пяточке в бизнесцентре, ну, у которого весной провалилась крыша, есть бюро знакомств. – И радостно добавила: – Выходной там – понедельник.

– И чего? – хлебая щи, поинтересовалась Саша.

– А сегодня что? – замерла та в ожидании ответа.

– Что? – равнодушно поинтересовалась Александра.

– Воскресенье, – сообщила Лариска и многозначительно посмотрела на Соню, мол, какая тупая у тебя гостья.

Через полчаса они уже сидели у заветного кабинета и перебирали яркие прайс-листы столичных бюро знакомств на журнальном столике, обещающие удачное замужество почему-то только за границей. Саша критиковала длинных тощих мужчин, изображавших иноземных женихов, а Лариса переписывала адреса, где можно было получить о них исчерпывающую информацию. Она объяснила, что делает это исключительно для Сони, так как сама уже два месяца переписывается по Интернету с молодым итальянцем Педро, который приглашает ее в гости на смотрины. Оказалось, Лариса копит на поездку деньги, а Педро взял с нее страшную клятву о полном молчании до их встречи. У Сони не находилось слов. Она была готова убить клятвopреступницу, расколовшуюся так не вовремя.

Поэтому на вопросы миловидной дамы, хозяйки бюро знакомств, отвечала невпопад. Но ее было кому подправить. Дама поначалу даже не поняла, кому из трех девушек требуется срочно выйти замуж. Ей путано объяснили что-то про нормальных русских справных мужиков. После рассказали про итальянцев, но здесь разгорелся горячий спор, кто лучше – узбеки или немцы. Потом поплакались на своих сослуживцев и однокашников. После чего все пришли к выводу, что мужик – сволочь редкая, и были согласны почти на любого.

– Ой! Архип Семенович! – Соня держала фотографию из толстого альбома-картотеки.

– Рекомендую, – щебетала миловидная дама, – вдовец с хорошей репутацией. Директор оборонного предприятия. Хочет жениться на молоденькой. Многообещающий союз...

– Главный бухгалтер ликеро-водочного завода.

– Какая разница, – продолжала та, – бухгалтер еще лучше.

– Это как посмотреть, – возразила Соня и, качая прилизанной головой, доверительно добавила: – Среди них попадаются голубые.

– Да вы что?! – изумилась дама и полезла за другим альбомом. – Здесь – верняк.

Пока девушки копались в остальных изображениях будущих женихов, дама сняла трубку и набрала номер.

- Зоя, ты представляешь?! Директор – голубой!

- Да ты что?! – ответила трубка.

Соня подумала, что так и рождаются сплетни, и пожалела в душе главного бухгалтера. Хотя, с другой стороны, так ему и надо. Жениться на молоденькой, видишь ли, собрался. Сейчас, разбежалась. И она ткнула пальцем в первую попавшуюся фотографию какого-то знакомого колобкообразного лица.

- Вот этот!

- Правильно, милочка! Отличный вариант, – щебетала дама, – вышибала из «Ладушек».

- Какой-то он слишком большой, – засомневалась Соня, представив его в своей квартирке. Без проблем он помещался только на месте шкафа при условии не двигаться в течение дня и ночи.

- Подходящий парень! Масса достоинств! Недостаток один: когда выпьет, начинает всех вышибать в окошко.

Соня не захотела рисковать и выбрала еще один снимок.

- Модель, – проникновенно заявила дама, – необычайно симпатичный молодой человек. Глаза без единой мысли, смотришь в них и отдыхаешь. Двигается плавно, как парализованный...

- Какой недостаток? – поинтересовалась Лариса.

- Требуется подруга без претензий.

- Это как?

– Молча. – Хозяйка прикрыла рот рукой. – Ему нужна немая.

Соня подумала, что прикинуться немой она не сможет, особенно, когда к ней придет Лариса, и взялась за очередное фото. Следующим оказался тщедушный бизнесмен, ищущий себе жену с пятым размером бюста. Далее шел художник, которого уже брали в мужья и возвращали по той причине, что он любил усыпать постель розами. Нет, его избранницы были мечтательными особами, просто им надоедало вытаскивать колючки из интимных мест... Вскоре оказалось, что среди тугуевских мужиков нет ни одного нормального.

Постепенно перешли на альбомы с иноземцами. Там Соня с удивлением обнаружила фотографии Пьера Ришара и Алена Делона. Дама развела руками и сослалась на немногочисленность иностранцев, желающих связать себя брачными узами с тугуевскими девушками. Лариса попыталась возразить, сказав, что в Интернете полным-полно итальянцев, которые только и мечтают о таком счастье. С чем хозяйка бюро знакомств не согласилась, пояснив, что в этом самом Интернете итальянцами оказываются представители совершенно других народностей. Любой чукча может, прикинувшись итальянцем, запудрить мозги доверчивой провинциалке. Призадумавшись, что Педро – вполне вероятно, законспирированный чукча, Лариса умолкла. Зато слово взяла Саша, она потребовала приличного немецкого бургера. Дама за небольшую плату внесла это пожелание вместе с Сониными данными в картотеку и попрощалась с девушками.

Они пошли к выходу хмурые, и вдруг Лариса, снова подтвердившая поговорку: «Подруга – это непрочитанная книга», заявила:

– Есть альтернатива. У Живых прудов живет бабка-ведунья. Может приворожить кого-нибудь. Это наше бюро знакомств только раскручивается, а бабуля-ворожея уже давно оприхаживает публику, у нее даже есть постоянные клиенты.

– Ты, что ли? – выразила общее удивление Саша.

– Нет, – мотнула головой Лариса, – соседка моя, Стрелкина. Ну, мать Романа, который с Соней...

– Уже не со мной, – фыркнула та.

– Подумаешь, фрукт. Запиши его в свою красную книгу и забудь как вчерашний дождик. Так вот. Бабуля предсказала Стрелкиной, что ее ненаглядный Ромочка женится в этом году на какой-то рыжей дуре! Представляете? – она засмеялась, но, обернувшись к подруге, вдруг серьезно предложила: – Может, тебе перекрасить волосы в более яркий цвет?

Перекрашиваться Соня не хотела, а в ворожбу и привороты не верила, поэтому ехать к ворожее отказалась. Тем более что Саша решила пройтись, посмотреть окрестности. Маленький провинциальный городок обрубил вереницу своих тихих улочек только под вечер. Плутая в скверах и между домами, девушки успели наговориться. Саша даже спела про девушку Прасковью на берегу затерявшейся в камышах речушки. Лариса наконец-то выдала подробности про Педро. Настроение у Сони явно улучшилось.

Как оказалось, итальянец сам предложил свою кандидатуру на сайте районной газеты. Лариса, сидя на секретарском месте у главного архитектора города, постоянно пользовалась Интернетом, пытаясь следить за местными сплетнями. Именно так, а не как иначе. Последнюю книгу она прочитала в 11 лет, та называлась «Му-му». После чего Лариса обиделась на всех писателей, убивающих своих героев, и ее источником знаний стал телевизор. Но из-за отсутствия в городе местного телевидения новости приходилось узнавать, «читая» газету через Интернет. Конечно, она это делала не по собственной воле. Главный архитектор готовился стать мэром и требовал от нее еженедельных отчетов обо всех значимых событиях в городе. А незначимые, вроде того, что какой-то итальянец хочет познакомиться с русской девушкой для создания крепкой интернациональной семьи, она оставляла для себя.

Пока, в принципе, рассказывать о Педро подругам было нечего, помимо того, что виртуальные влюбленные пару раз послали друг другу пламенные письма и обменялись фотографиями. Правда, в каждом письме Педро звал девушку в Италию, намекая на серьезность отношений. Лариса намеки поняла и стала откладывать деньги на поездку. А «раскололась» она потому, что, разглядывая открытки с иностранцами на журнальном столике перед дверью в бюро знакомств, вдруг подумала, что и ее Педро (вот, гад!) может также валяться в полураздетом виде на столе. И каждая может взять его в руки, пощупать и прикинуть на себя. Придя домой, Лариса сразу же села за компьютер и полезла во Всемирную паутину.

Вечером Саша с Рудольфом отправились смотреть в местном кинотеатре фильм с впечатляющим названием – «Сбежавшая невеста». Соня от нечего делать нашла на антресолях бабушкины пальцы и попыталась вышивать крестиком. Занятие девушке не понравилось, тем более что она умудрилась уколоть иглой все пальцы поочередно. Соня вздохнула, взяла с полки Куликову с ее «астральным рыцарем» и пошла на кухню пить кофе с тортом, оставленным заботливым Царьгородцевым. К возвращению Саши из кинотеатра на огромном блюде сиротливо лежала последняя кремовая розочка, не поместившаяся в Сонин желудок.

День пятый

Разрешите познакомиться? – Отвали!

Соня спешила на остановку общественного транспорта. Последний раз она пользовалась им лет пять назад, когда первая приобретенная ею машина – старенькая «Ока» – глохла на каждом светофоре. Смутные представления о том, что сегодня происходит на тугуевских остановках, дали ей повод по дороге немного помечтать. Она жаждала приключений, встреч, свиданий. Ну, хотя бы просто обычного знакомства. В стиле: «Здравствуйте, девушка, разрешите с вами познакомиться». Одинокó стоящему у ларька с газетами брюнету Соня мысленно строго ответила: «Я с незнакомыми на улицах не разговариваю». А воображаемый ухажер улыбнулся: «С кем же вы тогда на улицах беседуете? С родственниками? Я уже почти ваш кузен. Вот как ваша фамилия? Не поверите, у меня такая же!» И тут Соня должна была смилостивиться...

На самом деле на автобусной остановке стоял не один брюнет, а толпа людей с волосами разного цвета. «Мама милая, – подумала Соня, – как же я с кем-нибудь здесь познакомлюсь?» Плотная стена из брюнетов и блондинов держала глухую оборону у того места, где обычно раскрывались двери старых «Икарусов». Соня попыталась протиснуться ближе, увидев приближающуюся махину, но толпа, стоящая плечом к плечу, еще плотнее сомкнула свои ряды и оттеснила девушку метров на двадцать. Соне оставалось лишь глядеть вслед удаляющемуся переполненному автобусу.

Кто ей сказал, что можно знакомиться в общественном транспорте? Лариса. Она, видите ли, знакомилась. Интересно, как ей это удалось. После того как Соня пропустила еще пару автобусов, она поняла, что спешащий на работу народ занят только проблемой штурма, и ничто другое его уже не интересует. Испытано на себе, как любят говорить журналисты. Поэтому, когда пришел четвертый по счету автобус, Соне было наплевать на всех брюнетов сразу, потому как она опаздывала на работу практически на час. Пристроившись за могучими плечами крепкого амбала и одновременно прижав к себе старушку в пуховом платке, девушка стала прокладывать себе путь к дверям.

- Осторожно, - кричала Соня, - инвалид!

И показывала глазами на старушку. Люди, в которых еще с доперестроечных времен остались капли совести, немного уступили. И хотя наглая молодежь продолжила штурмовать автобус без оглядки на инвалида, Соне этого «уступления» вполне хватило. Она вместе с амбалом и старушкой влезла внутрь. Та кинулась ее благодарить, для чего, прилагая невероятные усилия, повернулась к спасительнице лицом. Когда они оказались нос к носу, то узнали друг друга.

- Ты?!

- Вы?!

- Внуку моему почему не позвонила?

Допрос шел с пристрастием пару остановок и закончился только тогда, когда старушка вышла у колхозного рынка.

- Позвони! - крикнула она напоследок в закрывающиеся двери, а Соня облегченно вздохнула.

Но не тут-то было. Покой сегодня ей мог только присниться. И не в общественном транспорте, где полагается, о чем совершенно забыла Софья Романцева, оплачивать поездку. Она вспомнила об этом, когда, сминая всех на пути, перед ней возникла грозная фигура кондукторши.

– Почему не оплачиваем проезд? – пробасила она на весь салон, пассажиры заинтересованно обернулись на голос. – Я слежу за тобой уже две остановки, дамочка. А ты все платит не собираешься. Зайцам у нас – бой!

И ее толстый палец указал на висящий у дверей плакат, где ушастый зверь с человеческой мордочкой корчился в карающих объятиях контролирующей организации.

– А она прикидывалась льготником, – вдруг пропищал чей-то голос.

– Ага, ага, кричала, что инвалид, – добавили «добрые люди».

– Я не инвалид, – опешила Соня и полезла в сумку, отыскивая кошелек.

– Не заплатишь – будешь им, – пригрозила кондукторша.

Романцева почему-то ей сразу поверила.

Добравшись до своего кабинета, Соня тут же схватилась за телефон, который голосом Воронцова пообещал ей ее «девятку» на следующий день к вечеру. «Ладно, – смирилась Соня, – завтра встану пораньше и пройду пешком».

Не зря говорят, что понедельник – день тяжелый. Как начнешь день, так его и проведешь. И что-то еще в этом духе. У Сони не заладилось с утра, и все шло наперекосяк до вечера. Во-первых, ей здорово досталось за опоздание. Был бы это обычный день, еще ничего, но именно в понедельник начальство организовывало планерки среди ИТР и заместителей, на которых планировало всю неделю. Без Сони, распределявшей обязанности на пять рабочих дней, это мероприятие стало совершенно бесполезным. Потому все «скатились» на мелкие разбирательства – кто, когда и на сколько опаздывал. Выяснили, что больше всех на работе отсутствовал сам начальник. Но карать его за это побоялись и перекинулись на Романцеву. Перемыли ей все косточки, вынесли «устное предупреждение» и снизили премию на 10 процентов.

Ну и шут с вами, подумала Соня, когда ей озвучили наказание. Скорей бы от вас уехать в Германию. И она глазами отыскивала Усачева. Тот на лету схватил намек и показал четыре пальца, усмехаясь едко и противно. Вот гад, возмутилась Соня,

снова требует сорок процентов.

Зато Сева Караванов ничего от нее не требовал. Он пребывал в прострации. Кот Леопольд обожрался мороженой рыбы, забытой хозяином ночью на столе, и гадил не переставая. Сева не понимал, как в маленький кошачий желудок мог поместиться килограмм холодной сырой рыбы. Да еще печенье, вазочку с которым Сева тоже забыл убрать подальше от Леопольдовых лап. Вызванный ветеринар должен был появиться в квартире с минуты на минуту. И Караванов обдумывал, как получше сказать боссу, что он уходит на больничный по уходу за котом.

Самое интересное, что все утро Соне на глаза попадался Архип Семенович. Каждый раз во время этих попаданий он удивлялся, приговаривая, что их наверняка сталкивает друг с другом судьба. Соня в судьбу не верила. Девушка искренне считала, что, следуя советам ее любимого писателя Александра Грина, счастье нужно делать своими руками. Поэтому-то они и сновали над столом, словно бабочки, быстро перелистывая заботливо оставленное для нее Ларисой, забежавшей утром на минутку, пособие с громким названием «Где встретить мужчину своей мечты».

Встречать нужно было в рабочем коллективе (если тот большей частью мужской), на дискотеке (Соня усмехнулась), среди друзей и одноклассников (опять всплыл образ Стрелкина с коноплей), в службах знакомств (Соня представила, как вышибала из «Ладушек» вышибает ее в окошко), в общественном транспорте (с толстой кондукторшей). Девушке стало казаться, что шансов встретить не только мужчину своей мечты, но и просто хорошего человека, у нее нет.

Тем не менее автор сей занимательной энциклопедии знакомств предлагал еще попробовать знакомиться на кладбище, в баре для лиц с неправильной ориентацией, в автомобильных авариях, при пожарах, землетрясениях и наводнениях. Он обосновывал это тем, что нестандартные ситуации сближают людей. Соня вспомнила, что прошлой весной вся Европа плавала по пояс в воде, и горько пожалела, что упустила такой шанс. Ждать же землетрясения или наводнения в Тугуеве придется долго. Хотя... пожар или автомобильную аварию можно организовать. Но почему-то делать этого не хотелось.

Не хотелось и идти с Архипом Семеновичем обедать. Тот, попавшись Соне на глаза пятнадцатый раз, решительно пригласил ее в «Ладушки».

– Понимаете, милочка, – прошептал он ей на ухо, – вы должны мне помочь. Как коллега коллеге. Кто-то распустил обо мне слухи, что я... – бедняга замялся.

– Голубой! – вырвалось у Сони, и она прикрыла сгруппировавшийся рот рукой.

– Вот, уже и до вас дошло, – горько вздохнул главный бухгалтер.

– Нет, что вы, – попыталась оправдаться Соня, – я слышала не про вас. Про другого бухгалтера.

– Что вы говорите, – задумался Архип Семенович, провожая взглядом озабоченного Караванова. – А что-то в этом есть, если сопоставить все факты... Он только что отпрашивался ухаживать за каким-то Леопольдом...

Соня схватилась за голову. Зато озадаченный главбух, забыв про приглашение на обед, устремился делиться новостью. К вечеру весь коллектив обсуждал, как Караванов докатился до ручки. Если бы они только знали, что это была лапка. В общем-то безобидного животного, трагически переживающего разрыв хозяина с хозяйкой и стремящегося разными способами скрасить свое одинокое кошачье существование.

Вечер наступил неожиданно, кабинеты быстро опустели. Соня поняла, что засиделась над бумагами и опоздала «сесть кому-нибудь на хвост». «Ладно, – подумала она, – сегодня еще раз поеду на автобусе, а вот завтра точно пойду пешком».

Окрыленная накопленным за утро опытом, она пришла на остановку, где уже собралась толпа тугуевцев, мечтающих о сытном ужине и телевизоре с диваном.

– Девушка, – срывающимся голосом произнес, обращаясь к ней, какой-то брюнет, – разрешите познакомиться.

– Отвали, – огрызнулась Соня, занимая место для штурма автобуса.

Она не только вошла в первый же автобус, но еще умудрилась занять место рядом с окном и практически сразу купить билет. Довольная тем, что не сплеховала и сделала все, как надо, Соня огляделась. Рядом с ней сидел брюнет,

который хотел познакомиться на остановке. Но это был не тот брюнет, какого она представляла сегодня утром. Вместо роскошного красавца сидел плюгавенький мужичонка, да еще к тому же в нетрезвом виде.

- Маша, - икая, обратился он к Соне, - не ругайся. Прости меня, Маша.

- Вы меня с кем-то путаете, - наклонившись к нему, шепнула Соня.

- Люди добрые! - завопил вдруг брюнет. - Пусть она меня простит!

Люди обернулись и с недоумением посмотрели на парочку. Брюнет тем временем вцепился в Сонин рукав и начал хлюпать носом.

- Не гони меня, Маша, пойдем домой...

Соня, которая ни в какую не хотела становиться Машей, оттолкнула надоедливого соседа. Тот не удержал равновесия и свалился к ногам стоявшей с многочисленными пакетами тетки.

- Ишь, какая, - взбрыкнула та, - посмотрите на нее - мужиками разбрасывается!

- Ага, ага, - подхватила другая, - он ее домой зовет, а она пихается.

- Брезгует, видишь ли!

- Ага, ага, если каждая будет своего мужика в автобусах из-за пьяного дела бросать, ездить станет не на чем.

А брюнет тем временем положил голову Соне на плечо и уснул.

- Смотрите, какая идиллия! - заявила тетка с пакетами. - Муж, уставший после работы...

- Не мой он муж, - ответила ей Соня.

– Ага, ага. Вредная какая нашлась. Ей мужика готового дают, а она отказывается. Мужик-то нынче – птица редкая.

Редкая птица захрапела на Сонином плече. Девушка толкнула его, чтобы разбудить, но пьяный сосед снова не удержался на месте и уткнулся носом в коленки агакающей тетки.

– Себе бы его и брали, – съязвила Соня.

– Ага, у меня один такой уже есть, – та отпихнула его назад.

– Нечего мужика швырять, как мешок с картошкой, – завопила тетка с пакетами, – зря только народ баламутите! Берите его спокойно и идите домой. Ему сейчас без разницы, с какой женой идти.

«Разбежалась, – подумала Соня. – Ему без разницы, а мне нет. Ладно бы еще холостяком оказался. Так нет, у него кольцо обручальное на пальце, и домой просится не зря, наверняка пьяного брюнета там кто-то ждет». Тот как услышал Сонины мысли, проснулся и говорит:

– Пойдем домой, Маша.

Соня встала и поспешила к выходу, хорошо еще, что пешком осталось пройти лишь одну остановку. Но тут перед взором девушки возникла кондукторша. Кстати, та же, что ругалась с ней утром.

– Опять билетика не берем?

– Я передавала деньги, – и Соня покрутила у нее перед носом приобретенным билетом.

– А у муженька что? Показывайте сами, раз он не в состоянии!

– Не муж он мне! – закричала Соня, заметив, что брюнет как клещ вцепился в ее рукав и стоит рядом.

– А что вы кричите? Свои семейные дела будете дома решать. Ну-ка, показывайте билет или платите штраф как злостный заяц.

– Правильно! – закричали тетки. – Штрафуйте ее, больно разборчивая нашлась!

– Да не муж он ей, – заметил один парень, – одна она сначала сидела...

– Очки протри, студент! Ишь, глазастый! Штрафуйте ее, вместе они едут. Смотрите, как бедняга за нее держится!

Нетрезвый брюнет, как специально, держась за Сонин рукав, твердил: «Прости меня, Маша».

– Спокойно! – вдруг раздался уверенный мужской голос. В этот самый момент кондукторша крикнула водителю, и тот остановил автобус. – Сейчас мы разберемся.

Соня обернулась и увидела симпатичного офицера.

– Если она жена этого человека, то и штраф будет платить из его кармана. Вытаскивайте, девушка, что у него там есть!

– Не буду я по чужим карманам шарить, – возмутилась Соня в ответ на эту военную тактику.

– Вот! Отказывается. Значит, она ему не жена. Какая же жена не согласится у мужа по карманам пошарить?

Народ озадаченно замолчал. Действительно, факт остается фактом. Соня протиснулась к выходу. А тетка с пакетами со словами «одним мешком больше, одним меньше» подтянула нетрезвого брюнета к себе.

Из автобуса они вышли вместе: офицер и Соня. Несмотря на только что пережитую сцену, настроение у нее было отличное. Офицер тоже улыбался.

– Давайте знакомиться, я – Егор.

– Я не Маша, – почему-то вырвалось у нее, – а Соня.

– Понятное дело.

Весенний вечер начинал приобретать более свежие краски. Дорога домой была длинной и заполненной интересным разговором. Соня столько узнала об армейской жизни, что это перевернуло ее мировоззрение. Все военные оказались героическими людьми, принимающими ответственные решения в опасных жизненных ситуациях, рискующими своим здоровьем и благополучием ради боеспособности армии и флота. Егор с упоением рассказывал о полярной ночи, о северном сиянии, о ночных дежурствах, о боевых машинах...

Подойдя к ее подъезду, он предложил девушке все бросить и уехать с ним на Север. Соня, опешив, стала молча открывать и закрывать рот. Других вариантов Егор, к сожалению, предложить не мог. Утром он возвращался на службу в далекий город на Кольском полуострове.

...Соня долго ворочалась с боку на бок и не могла уснуть. Утром Егор должен был ждать ее на вокзале. Нет, она не давала повода думать, что обязательно придет. Егор сам решил, что будет ее ждать пятнадцать минут. Ни больше, ни меньше. По-военному четко – «упал-отжался». Злодейка-судьба снова испытывала Соню на прочность. Егор ей нравился, но не до такой степени, чтобы все бросить и уехать с ним. Никаким образом он не вписывался в Сонины планы. Даже если она все бросит, уедет на Север, там зарегистрирует брак, Германия ей не светит. Ведь под словом «все» подразумевалась и Сонины карьера.

В какой-то степени она теперь понимала жен декабристов. Но только тех, которые не поехали за своими мужьями. А Егор ей даже не был мужем. Значит, на вокзал Соне идти совершенно незачем. На этот раз. А там посмотрим. Что ни говори, а познакомиться в общественном транспорте можно. Выбор, к сожалению, не велик, но он есть. Если особенно не придирааться, поймать мужичка можно. Вот только ей почему-то попались две крайности.

День шестой

У вас – гарем? – Да, я – падишах

Лариса проснулась, подошла к зеркалу и поправила рыжие пряди. Отчего так не везет умным, миловидным провинциальным девушкам? Если ты не таскаешься по улице целыми днями, а работаешь в поте лица в каком-то богом забытом архитектурном бюро, то времени, чтобы познакомиться с кем-то более-менее подходящим, совершенно не остается. Может, взять отгул и прокатиться на автобусе? Нет, не в Анталию, а просто по своему городу. Ведь повезло же Соньке – подцепила сразу двух брюнетов за один день. Слишком разборчивая, потому и осталась снова на бобах... Хотя... и в эту самую Анталию тоже было бы неплохо прокатиться. Тут Лариса засомневалась, что красочной надписи на городских автобусах, обещавшей довезти своих пассажиров прямо до Турции, можно доверять. Нужно позвонить по тому телефону, который указан под надписью «Тугуев – Анталия – близнецы-братья», и выяснить, во что обойдется эта поездка. Если дешевле съездить к итальянцу Педро, можно махнуть и туда.

А пока она с зубной щеткой во рту подошла к компьютеру. В ее почтовом ящике «валялось» лишь одно письмо. Это было послание от Педро: «Сама – чукча!» Лариса поняла, что тот обиделся, когда она практически в лоб спросила, не чукотской ли национальности его мама. Надо же, в Италии знают, кто такие чукчи. Какая распространенная нация. Наверное, благодаря Абрамовичу о них узнал весь мир.

Решив, что итальянцу она ответит позже (пусть подуется глупышка), Лариса позвонила Соне.

Соня в это время как раз прощалась с Александрой, которая собирала свои манатки. Она уезжала. Но не к себе в деревню, а в соседнюю квартиру.

– Поживем, притремся. Если что получится – распишемся.

Сортируя и деля на две половины банки с заготовками, Саша успокаивала Соню:

– Не бойсь, будешь к нам в гости приходить. Я тебя подкормлю маленько.

Соня не знала, радоваться ей, что гостя съезжает, или горевать, если у той ничего не получится. Она молча проводила взглядом банку с маринованными опятами и вздохнула.

- Ладно, ладно, - махнула рукой Александра, возвращая аппетитные грибы на прежнее место, - опята - тебе.

Как раз в этот момент позвонила Лариса и поинтересовалась, не желает ли Соня проехать до Анталии. Но та упорно хотела к немцам и ни о ком другом слушать не могла. Они еще раз обсудили Сонин вчерашний день, общественный транспорт, Егора... И пришли к выводу, что до работы пока лучше добираться пешком.

- Надо идти через сквер, - советовала Лариса, жуя дежурный бутерброд. - Тактика простая. Видишь объект, роняешь сумочку. Только ему под ноги. Он поднимает, завязывается диалог. Поняла?

- Конечно.

- Я позвоню, проконтролирую. Сумочку возьми похуже. Красную. Мужики, они как быки - глядя на красный цвет, возбуждаются и плохо соображают.

- Лучше в бюро путешествий позвони, а то твой Педро не дождетя своего счастья.

Соня шла по скверу и думала о Саше с Рудиком. Случай или судьба? Случай. Нет, судьба. Вот ей с судьбой так не повезло. Сквер оказался пуст, кидать сумочку под ноги было совершенно некому. Ну и хорошо, подумала Соня. Сегодняшний день станет перерывом в поисках кавалера с серьезными намерениями. Но не тут-то было. Сонины размышления прервал обещанный звонок Ларисы.

- Идешь?

- Иду.

- Объект видишь?

Соня посмотрела по сторонам - никого. Оглянулась назад - на горизонте маячил одинокий велосипедист.

- Ну, не знаю. Какой-то велосипедист вроде есть.

- Мужского пола?

- Лариса, я иду одна, вокруг ни души!

- Неправда! Сама сказала - сзади велосипедист. Слушай мою команду! Сумку - на изготовку! Рука пошла... Рука пошла... Кидай!

Она так закричала в трубку, что Соне поначалу захотелось отшвырнуть мобильник. Лариса повторила команду еще пару раз, прежде чем сумка наконец-то отлетела в сторону.

- Попала? - поинтересовалась подруга, выбегая из квартиры и на ходу докрашивая губы алой помадой.

- Да.

Соня действительно попала.

Ничего не подозревающий о женском коварстве банковский работник Скворцов в это злосчастное для него утро решил начать избавляться от лишнего веса. Методом избавления он выбрал велоспорт. Благо доставшийся в наследство старенький велосипед еще мог катать его грузное тело пару недель. Как раз за это время новомодная спортивная диета обещала облегчить существование на десяток килограммов. Каждодневное сидение в банке сказывалось на фигуре тридцатилетнего холостяка не лучшим образом - из года в год он прибавлял по паре килограммов. Поэтому, когда все дамы из отдела сели на диету, Скворцов к ним сразу присоединился, отменив вечерние визиты к маме. И уже на следующий день получил результат - похудел на полкило.

Наслаждаясь свежим весенним ветерком, бьющим в лицо, Скворцов, крутя педали, совершенно расслабился в тот момент, когда Сониная сумка вместе с порывом ветра ударила по его физиономии. Антон впервые в своей тихой, спокойной жизни получил удар судьбы. Да еще такой степени, что от сотрясения мозги отключились от управления руками, а те, воспользовавшись предоставленной свободой, направили старенькое транспортное средство прямо на кривобокую сосну. Та стойко выдержала хилым на первый взгляд, стволом

очередное нападение двуногих и переломила велосипед пополам. Скворцов, пролетев пару метров, спикировал лбом на ее выпирающий из земли горбатый корень, импульсивно содрогнулся и затих.

– Мамочка, – только и смогла вымолвить пораженная случившимся Соня и впала в оцепенение.

Но не потому, что не хотела помогать сраженному ее сумкой велосипедисту подняться на ноги, а оттого, что рядом с тем тут же оказался огромный рыжий кобель. Он обнюхал лежащего Скворцова и, видимо, признав в нем своего конкурента, молча задрал заднюю лапу и окропил его спортивные штаны. После чего схватил валяющуюся на дорожке Сонину сумку в пасть и побежал прочь.

– Вот скотина! – крикнула Соня ему вслед, поняв, что догнать пса и отобрать сумку не удастся.

– Немы... – промычал Скворцов, к которому вернулось сознание, донесшее до него обвинительную фразу.

– Вы живы, – обрадовалась Романцева и от счастья, что отвечать за труп не придется, кинулась к распластанному под сосной велосипедисту.

После нескольких безрезультатных попыток поставить грузное тело на ноги она заключила:

– Вам срочно нужно худеть!

– Я и худел, – визгливо ответил ей банковский работник, – а вы, милочка, мне помешали. Ой! Ой! У меня перелом конечности!

– Какой?

– Еще не знаю точно, но вызывайте «Скорую»!

Прилагая невероятные усилия, они вдвоем, в обнимку, как старые, проверенные временем друзья, дотащились до ближайшей лавочки. Соня усадила дурно пахнущего Скворцова, перетащила поближе к нему остатки велосипеда и стала

звонить, сначала в «Скорую», потом подруге.

– Лариса, да, это я, я... Кинула сумку, кинула. Каков результат? Сидим на скамейке... Знакомимся? Нет. Ждем «Скорую помощь»! Которая приедет часа через два, потому что у нас не критический случай – мы не горим, не тонем, не рожаем...

Почти выкрикнув последнее слово, Соня, услышав «предродовые» стоны Скворцова, уже засомневалась. Тот в это время из велосипедных обломков тщетно пытался воссоздать двухколесного друга. Целым и невредимым от него остался только кожаный карманчик с невесть откуда взявшейся там столовой вилкой, зубья которой теперь торчали в разные стороны.

Покалеченный Скворцов был невыносим. Мало того что у него болела нога, совершенно целая на вид, на лбу росла непомерная шишка, так еще его причитания по поводу покупки нового велосипеда не давали Соне покоя. Ей не терпелось взять кошелек и сунуть Скворцову деньги. Но кошелек остался в сумке, которую утащил бессовестный кобель. Там же осталась и косметичка. Соне захотелось разрыдаться – в косметичке была помада, купленная за границей за бешеную сумму! Девушка с ненавистью посмотрела на Скворцова, тот, поймав ее взгляд, нагло показал выкрученное восьмеркой колесо.

Она отсела от него на другой край скамейки и смахнула слезу. Вот, очередное утро начинается с неприятности. Теперь придется сидеть часа два, потом грузить это тяжелое тело в машину, ехать в полицию на разборки... Соня содрогнулась, вспомнив свое недавнее там пребывание. Она взяла себя в руки и, повернувшись к Скворцову, мило улыбнулась. Тот, прижав искореженное колесо к груди, гордо глядел вдаль. С другой стороны, подумала Соня, с чего это ей бояться разборок? Можно сказать, что она мирно шла на работу, а хулиган Скворцов, гоняя на велике, намеревался вырвать из ее рук сумку. Что ему почти удалось, но в этот момент на ее защиту выбежал отважный пес, которого Скворцов испугался и... Далее по тексту выше. К тому же в доказательство ее слов можно провести экспертизу, обследовав штаны Скворцова.

Настроение поднималось, как утреннее солнце, освещающее все вокруг. Сосед по скамейке подозрительно вгляделся в Сонино лицо и понял, что должен рассчитывать только на ее великодушие. Действительно, думал Скворцов, эта белобрысая ведьма вполне может заявить, что он напал на нее в безлюдном сквере с целью надругательства над ее честью, а она отбивалась сумкой. Мама

рассказывала много подобных случаев. Потом, по рассказам мамы, дамы заявляли, что нападавшие просто были обязаны на них жениться. Далее следовал более чем дурной финал.

- Может, сообщим вашей жене о случившемся? - поинтересовалась Соня, которой надоело караулить Скворцова.

- Ага, - сразу согласился тот. Вот оно доказательство! Сейчас выяснит, что у него нет жены, и пошло-поехало. - У меня две жены, - решил перестраховаться Антон.

- Сообщим обеим, - недоуменно ответила Соня.

- Лучше еще и третьей.

- У вас что - гарем?

- Да, - обрадовался Скворцов неожиданной подсказке, - я - падишах.

Соня жалостливо посмотрела на его шишку и поняла, что дожидаться «Скорой» все-таки придется - у парня помутился рассудок.

Тот, воспользовавшись моментом, стал красочно описывать свои любовные гаремные игры. Дабы убедить нахалку, что никаких сексуальных домогательств с его стороны быть не могло.

- Да, по десять раз за ночь, со всеми женами по очереди... - держась за лоб, рассказывал Скворцов, удивляясь своему сочинительскому таланту.

Соня слушала его внимательно, не перебивая, чутье говорило, что волновать помутившегося в разуме велосипедиста не стоит. Маньячка, думал Скворцов, так заинтересованно слушает.

- Она проводит пером фазана по моему голому животу...

Соня не знала, куда деваться от этих пикантных подробностей. Спас ее уже знакомый огромный рыжий кобель, которого вел на поводке симпатичный

молодой человек. Он шел, в одной руке держа поводок с рыжим воришкой, а в другой – красную сумку. Чему больше Соня обрадовалась – нашедшейся сумке или симпатичному молодому человеку, – было сначала непонятно. Но, когда тот подошел ближе и заинтересованно посмотрел на девушку, в ее жизни появился шанс, упускать который она не собиралась.

– Ваша сумочка? – спросил брюнет (Соня почему-то очень трепетно относилась исключительно к мужчинам этой масти). И улыбнулся.

– Наша! – закричал Скворцов и попытался выхватить улику.

– Ры... – предупредил его кобель.

– Моя, – вздохнула Соня, – ваша собачка ее унесла.

– Уси-пуси, – злился Скворцов. – Ваш кобель загадил мои штаны и утащил улику, которой меня хотели практически убить.

Брюнет удивился.

– Мама мне рассказывала, как некоторые особы, – и банковский работник скосил и без того косоватые глаза на Соню, – кидая сумочки в физиономию, пытаются подобным образом заарканивать незнакомых мужчин с дальнейшей целью их использования. – Здесь он красноречиво провел ребром ладони по горлу, Соня вздрогнула.

– Мужчина упал с велосипеда и ударился головой, – попыталась она объяснить. В подтверждение своих слов девушка указала взглядом на огромную шишку на лбу Скворцова. – Теперь вот ждем «Скорую помощь».

– Понятно, – сказал брюнет, сел рядом с Соней и спустил собаку с поводка. – Гулять, Цер!

Пес, обретя свободу, понесся вдаль. Скворцов невольно заслонил руками коленки.

– Давайте знакомиться, – предложил брюнет. – Анатолий.

- Цер - это небось Цербер? - не мог успокоиться Скворцов. - Или Церберюга!

- Соня, - она протянула Анатолию руку.

Между ними пробежала искорка. Хотя недовольный Скворцов все еще продолжал жаловаться и делиться мамиными советами, как отпугнуть побольше женщин, Соне уже было спокойно и легко. Новый знакомый решил вместе с ней дождаться врачей, чтобы помочь погрузить Скворцова в машину. Анатолий только вышел прогулять собаку и намеревался потратить на это мероприятие пару часов. Он рассказал Соне, насколько важно собаке, которая остается в закрытой квартире на целый рабочий день, хорошо выгуляться утром и вечером. Потом он спросил, свободна ли Соня вечером, затем его заинтересовало, есть ли у нее собака, или она, в этом месте красавец брюнет презрительно фыркнул, кошатница. Соня, сама не зная почему - возможно, подействовал свежий воздух или какая-то жидкость ударила в голову, - вдруг заявила, что она - тоже собачница, терпеть не может кошек и все такое. Анатолий воодушевился, подумав, что встретил родственную душу, и спросил про породу ее собаки.

- Она такая, - крутила руками Соня между сосенками, к которым они ушли от ноющего Скворцова, - такая... большая и черная!

- Водолаз? - радовался Толик.

- Нет, меньше.

- Доберман? - гадал брюнет.

- Почти, - тянула время Соня, пытаюсь вспомнить название хотя бы одной похожей породы.

- Ротвейлер?

Соня поняла, что тянуть дальше нельзя. У всех собачников отличное чутье. Они за версту чувствуют кошатников и хомяководов. Поэтому утвердительно мотнула головой.

- Отлично, - снова обрадовался Толик, - Цер обожает возиться с ротвейлерами.

– Да, – быстро согласилась Соня, – они такие душки.

Дальше пошли выяснения, кто у нее – кобель или сука. Но если бы нормальный человек так прямо и спросил, то собачники изобрели свой, непонятный обычному человеку, язык. И вопрос уже звучал так: у вас девочка или мальчик? Соня начала выкручиваться, потому как сначала не поняла, о каких детях идет речь. В общем, к тому моменту, когда приехала «Скорая», у нее оказалась на воспитании хорошенькая двухлетняя девочка-ротвейлерша по кличке Зита.

Хорошо, что всего этого не слышал покалеченный Скворцов. Его зловерные комментарии сбивали бы Соню с нужного направления, и она бы честно призналась, что любит ласковых пушистых кошек. Все время, пока продолжалась эта милая беседа, Скворцов сидел на скамейке и стонал, изрыгая проклятия в сторону Цера, появляющегося изредка после очередных круговых забегов. Соня каждый раз, глядя на собаку, изумлялась, как тот ловко обегает сосны, умудряясь вписываться в узкие пространства.

На работу Романцева снова опоздала и напрямик отправилась к шефу, с порога заявив, что у нее полное крушение личной жизни и ей, как свежий воздух, необходима неделя «за свой счет». Шеф для приличия покочевряжился немного, напомнил про соблюдение рабочего времени, про заграничную командировку для обмена опытом, еще чего-то там – Соня слушала вполуха – и отпустил.

Вернувшись домой, Соня навестила Сашу в надежде, что голубки уже успели поругаться. Но ее ждало горькое разочарование. Семейная идиллия в отдельно взятой провинциальной квартире процветала – мужик возлежал у телевизора, баба готовила на кухне борщ. Не хватало только парочки орущих младенцев, держащихся за материнский подол. Тем не менее, и Рудольф, и Саша были совершенно счастливы. Пообещав заглянуть на обед, Соня побежала к Воронцову.

«Девятка» встретила ее мерным урчанием, блестящим, отмытым видом и веселой музыкой. Алексей хотел что-то сказать по поводу поломок, но Соня, сунув парню в руку деньги за ремонт, лихо села за руль и укатила в архитектурное бюро. Предстоящая встреча с Анатолием требовала серьезной подготовки. Без Ларисы здесь было не обойтись. До вечера требовалось срочно найти двухлетнюю ротвейлершу Гиту или Зиту – Соня забыла, каким именем представила свою собаку. Но она особенно не расстраивалась, можно сказать,

что просто оговорилась. Какая разница, как зовут собаку.

– Ты что?! – возмутилась Лариса, сидя на своем крутящемся секретарском кресле. – Этим ты плюнешь ему в душу. Поверь. Напряги серое вещество и вспомни точно. Тогда он у нас в кармане!

Марь Ванна, – щебетала она по телефону, – у вас нигде не завалилась собачка?

Лариса звонила приятельнице – продавщице одного из тугуевских бутиков.

– Точно? Жаль. А у Вер Петровны? Только белка? – Она посмотрела на Соню. – Тебе белка не нужна? Нет, Марь Ванна, нам нужна собака. Нет, не ондатровая, ротвейлеровая... А, таких шуб не бывает. А живых собачек? У вас нет. Ага.

Оль Васьна, у вас лишней собачки нет? Пудель? Сонь, нам нужен пудель? Нет, Оль Васьна, пудель отпадает. Я знаю, что хорошая собака. Знаю, что родословная как у папы римского... Нужен ротвейлер. У кого? Понятненько.

– Нин Санна, собачку не одолжите?

Методом получасового опроса тугуевских аборигенов выяснилось, что нужная собака есть у Нины Александровны, которая согласилась ее одолжить на один вечер за вполне приемлемое вознаграждение. Все складывалось удачно – совпадала порода и пол. Не совпадал возраст и кличка. Звали ротвейлершу Эльвира – повелительница тьмы, ей стукнуло девять лет. Но это уже были мелочи жизни. Хотя если бы Соня знала, насколько они осложнят ее жизнь, искала бы лучше Зиту.

День седьмой

Ротвейлер и жена – один черт

Эльвира-повелительница на первый взгляд казалась довольно обычной собакой, похожей на тех, какие тусуются в каждом дворе. Ну, если не считать ее грозного вида и огромнейших клыков, в которые Софья с ужасом вглядывалась, когда та

зевала. Ротвейлершу оторвали от любимого занятия – целыми днями она спала на хозяйском диване. Плюс был в том, что Нина Александровна работала менеджером в строительной компании и постоянно ездила в командировки. Собачку она оставляла разным знакомым, поэтому Соня для Эльвиры предстала в образе одной из них – к своим девяти годам Эльвира почти потеряла нюх, слух и зрение, что, в принципе-то, и спасло Соню от неприятностей. Хотя одна неприятность все же случилась.

Ротвейлерша просыпалась к вечеру и требовала играть с ней. Делала она это довольно своеобразно: тыкала мордой в те места на теле очередного временного владельца, куда дотягивалась или которые под морду подворачивались – рука, нога, голова... На сей раз ей подвернулось очень анекдотичное место – Соня как раз наклонилась, чтобы с нижней полки гардероба достать легкомысленные туфельки ярко-красного цвета. В этот момент очнувшись от сна Эльвира подошла к ней и ткнула мордой туда, куда дотянулась. Толчок получился резким и сильным, Соня потеряла равновесие и упала в шкаф, припечатывая лбом заднюю стенку. Та с треском выскочила, следом за ней верхние полки сложились, как карточный домик. Хорошо еще, что благодаря многочисленным тряпкам крушение шкафа прошло практически безболезненно. Только на лбу, как фонарь, зловещим сине-фиолетово-красным цветом светилась здоровенная шишка. Свидание пришлось отложить на следующий день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kuskova_alina/zamuzh-za-25-dney

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)